

Священник Александр Дьяченко
В КРУГЕ СВЕТА

Александр Дьяченко
В круге света (сборник)
Серия «Духовная проза»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8267391

*Александр Дьяченко. В круге света. Рассказы и очерки: Фонд «Духовное наследие митрополита Антония Сурожского», Никея; Москва; 2013
ISBN 978-5-91761-189-1*

Аннотация

Яркие, современные и необычайно глубокие рассказы отца Александра завораживают читателей с первых строк. В чем секрет автора? В правде. В правде жизни. Он ясно видит то, что мы научились не замечать, – то, что доставляет нам неудобство и беспокоит совесть. Но здесь, в тени нашего внимания, не только боль и страдания. Именно здесь – и несказанная радость, ведущая нас к Свету.

На конкурсе изданий «Просвещение через книгу» рассказы Александра Дьяченко были удостоены Диплома I степени.

Содержание

От редакции	7
Плачущий ангел	9
Диаконское искусство	12
Чудеса	26
Иван	34
Новый год	41
Спас Оплечный	46
Разговор с собакой	55
Мои университеты	63
Интересный вопрос	71
Плачущий ангел	77
Старики и мы	84
Большой Гена	90
Рабоведение	97
Лучшая песня о любви	104
Кузьмич	112
Пять минут	118
Начало	125
Посвящение	135
Пересечения	142
На Святках	155
Плоть едина	162
Преодоление	176

Проверки на дорогах	179
Всепобеждающая сила любви	186
Я не участвовал в войне...	192
Конец ознакомительного фрагмента.	199

**Священник
Александр Дьяченко
В круге света.
Рассказы и очерки**

*Допущено к распространению Издательским советом
Русской Православной Церкви ИС 13-309-1747*

© Издательство «Никея», 2013

*Все права защищены. Никакая часть электронной версии
этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни
было форме и какими бы то ни было средствами, включая
размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для
частного и публичного использования без письменного раз-
решения владельца авторских прав.*

Дорогой читатель!

Выражаем Вам глубокую благодарность за то, что Вы при-
обрели легальную копию электронной книги издательства

«Никея».

Если же по каким-либо причинам у Вас оказалась пиратская копия книги, то убедительно просим Вас приобрести легальную. Как это сделать – узнайте на нашем сайте www.nikeabooks.ru

Если в электронной книге Вы заметили какие-либо неточности, нечитаемые шрифты и иные серьезные ошибки – пожалуйста, напишите нам на info@nikeabooks.ru

Спасибо!

От редакции

Сегодня можно говорить о молодом и самобытном направлении русской литературы – о священнической прозе. Как-то Розанов заметил: «Секрет писательства заключается в вечной невольной музыке в душе...» И случается, эта музыка звучит даже из совсем неклассической формы, например сквозь ежедневные записи в ЖЖ, – так начиналась литературная деятельность нашего современника – писателя и священника Александра Дьяченко.

В каждом из небольших рассказов отца Александра улавливается смысл, красота и внутреннее содержание повседневных явлений, даже самых простых и привычных. Но это лишь одно из движений душевной мелодии автора, есть и другие – например, способность видеть святость и доброту в каждом своем герое, именно видеть, а не выдумывать ее для себя и читателя, ведь за каждым литературным персонажем отца Александра – живой человек, а каждый сюжет – личный жизненный опыт.

О своем творческом ощущении жизни Розанов писал: «Два ангела сидят у меня на плечах: ангел смеха и ангел слез. И их вечное пререкание – моя жизнь». Наверное, каждому близки и понятны эти слова. Именно поэтому книга «В круге света» оставляет впечатление прожитой жизни. Ее эмоциональный диапазон необозримо широк, при этом пререкания

между ангелами нет или почти нет. И слезы, и смех – это целостное восприятие жизни автором, жизни, подаренной Богом, жизни, в которой все имеет свой смысл.

Братская любовь отца Александра к человеку в сочетании с чувством юмора оставляет по прочтении его книги ощущение прикосновения к счастью, такому простому и очевидно-му, – счастью, доступному для каждого и в любое время, даже самое шаткое и непростое...

Плачущий ангел

Диаконское искусство

О том, что у меня бас и хорошие перспективы при правильной постановке голоса, мне еще в школе говорил один мой приятель. Когда по его просьбе я что-то прохрипел в телефонную трубку, он в восхищении за орал мне в ответ:

– Да тебе в консерватории учиться надо, Шура, поверь мне! В этом деле я не ошибаюсь!

Впрочем, у меня тогда было невысокое мнение о музыкальных способностях моего одноклассника; я ему не поверил, и напрасно: сегодня друг моего детства – один из известных белорусских музыкальных продюсеров, владеет студией звукозаписи и разъезжает по всему миру с несколькими коллективами. Поверил бы другу, сейчас бы, глядишь, в Большом солировал...

Когда я стал ходить на службы, то тихонько подпевал, стоя за клиросом. Думал, что никто меня не слышит. Ан нет – в храме любое параллельное хору пение очень даже слышно. Меня вычислили, но, вместо того чтобы наказать, пригласили на клирос.

Вот тут-то я и пожалел, что не слушался маму, которая всеми силами старалась меня, лопоухого второклассника, заставить играть на пианино. Я категорически отвергал все ее попытки:

– Танкистам не нужно играть на пианино!

– Ладно, – устав от наших баталий, в конце концов сказал папа – танкист еще с боевым стажем, – если не хочет, не му-

чай ребенка!

После смерти Марии в память о ней мне досталась бумажная икона преподобной Марии Египетской в грубом окладе, сделанном при помощи топора в далекие годы, проведенные в страшных сибирских лагерях. Она владела топором мастерски. Это я понял, когда помогал собирать иконостас для женского монастыря, возрождавшегося ею в одиночку.

Впоследствии меня пытались задействовать и на правом клиросе, но отсутствие необходимых музыкальных навыков так и не позволило мне влиться в стройные партесные¹ ряды.

Потом к нам на клирос пришла юная смена, состоявшая из выпускниц регентских епархиальных курсов. Хорошие девчонки, можно даже сказать, самоотверженные. Наш второй священник, отец Нифонт, получил благословение служить на праздники в одной из отдаленных сельских церквей. Батюшка втискивал нас в «жигуленок», и мы после службы в своем храме мчались в ту маленькую церквушку. Помнится, как-то на Троицу в его машинку набилось, кроме водителя, еще восемь человек. Кто бы только знал, как благодатно было ездить с отцом игуменом! Иисусова молитва так и лилась! Неисправимый холерик по природе, батюшка, садясь за руль, всегда мчался, словно в последний раз, выжимая из машины все, на что она была способна.

Я продолжал петь басом, но вторую партию, поскольку по-

¹ *Партесное пение* (от позднелатинского «partes» – голоса) – стиль русской и украинской многоголосной хоровой музыки XVII–XVIII вв.

добрать басовую у меня не хватало умения. Сейчас понимаю, как со мной было трудно, но девочки-певчие терпели, как прежде бабушки. А я был уверен, что чем ниже мне удастся прорычать и чем более мой рык будет походить на буддийское горловое пение, тем лучше. Как же я был восхищен, когда при возгласении протодиаконем многолетия в гродненском кафедральном задрожали стекла! Как мне мечталось достичь таких высот!

Может, и пропел бы я счастливо всю жизнь на клиросе родного храма, если бы не случай в лице моего знакомого по имени Николай. Коля, как говорится, прошел суровую школу жизни и к своим двадцати пяти уже побывал в местах заключения, но Бог милостив, и мой знакомец пришел в Церковь. Мало того, что пришел, он еще и трудиться начал. В его голове постоянно роились какие-то благочестивые проекты. То он задумал строить часовенку во имя тогда еще не прославленной святой, то решил издавать православную газету. Но все его инициативы, как я понял уже впоследствии, были неизменно связаны с кампаниями по сбору пожертвований на благие дела. Сначала ему со всех сторон нашего отечества шли денежные переводы на часовню, но часовня так и не появилась. Потом то же самое произошло и с газетой, хотя, правда, несколько номеров ему все-таки выпустить удалось.

Деньги, собранные на святое дело и часто уходившие не по назначению, словно древоточцы, стали подтачивать и раз-

рушать душу моего товарища. Хотя, уверен, желания у него были искренними. Коля стал пить и быстро пристрастился к этой пагубе.

Тогда же для повышения авторитета своей газеты он решил получить благословение правящего владыки. И предложил мне, как помогающему в ее выпуске, съездить вместе с ним в митрополию. Я согласился, и мы поехали. По дороге Коля хвастался, что знаком со всем руководством епархиального управления и получить благословение для него – пара пустяков.

Когда мы шли по областному центру, Николай оживленно рассказывал мне о чем-то. Неожиданно он остановился у ларька и, извинившись, купил бутылку пива, которую сразу же и выпил, не отрываясь, из горлышка.

– Ты что делаешь?! – спрашиваю. – Как же мы теперь в епархии появимся? От тебя же за версту несет!

Он улыбнулся:

– Ничего страшного, прорвемся! – и снисходительно хлопал меня по плечу.

Прошли мы еще метров двести. Мой спутник, незаметно отстав от меня, снова покупает бутылку пива и вновь, несмотря на все мои протесты и уже без всяких извинений, точно так же вливает в себя ее содержимое. Сперва он, не обращая на меня внимания, чему-то глуповато улыбался, а потом и вовсе куда-то пропал. Короче говоря, у ворот епархиального управления я оказался в одиночестве.

Что было делать? Идти просить благословения для газеты, которую не издавал, или возвращаться домой несолоно хлебавши? «Ладно, – думаю, – зайду, ведь для чего-то я сюда ехал!» Зашел в управление и попросил проводить меня к отцу секретарю, дружбой с которым всю дорогу хвастался

несчастный Николай.

Батюшка оказался на месте, и он действительно помнил моего шального друга. Мы поговорили о Коле, а потом он заметил:

– Для того чтобы издавать православную газету, нужно много чего знать, и прежде всего знать само православие. Приятель твой – бывший уголовник, а ты-то что из себя представляешь?

Когда он узнал, что я учусь уже на последнем курсе Свято-Тихоновского богословского института и несколько лет пропел на клиросе, его отношение ко мне изменилось. Он велел мне подождать в кабинете, а сам куда-то вышел. Потом вернулся, не говоря ни слова, взял меня за руку и повел, как потом оказалось, к самому владыке.

Иерарх принял меня радушно. Поговорив со мной и не особенно интересуясь моими собственными планами на будущее, представил сидевшим в кабинете:

– Отцы, готовый диакон – и с образованием, и с опытом клиросного послушания! Просто замечательно. Так что готовься, дорогой, к хиротонии!

Как снег на голову... Ехал за одним, а получил совершенно другое.

Но легко сказать – готовься! Ведь теперь мне нужно было в кратчайший срок освоить премудрость диаконского искусства! Перед моими глазами стояли гродненский протодиакон и стекла храма, дрожавшие от его могучего голоса.

Других примеров диаконской практики на моей памяти почитай что и не было.

Пошел к отцу Нифонту:

– Батюшка, мне велено готовиться к хиротонии, а учителя нет. Может быть, вы меня послушаете и что-нибудь посоветуете?

Отец игумен оживился и решил меня здесь же и немедленно испытать.

– Так-так, – забегал он вокруг, – а произнеси-ка нам первый возглас малой ектеньи!

Я набрал в грудь воздуха и добросовестно пробасил:

– Паки и паки...

Батюшка, как мне показалось, посмотрел на меня то ли с испугом, то ли с удивлением. Потом, словно собираясь с мыслями, он быстро-быстро потер рука об руку и, подняв вверх указательный палец правой руки, глубокомысленно произнес:

– Надо тренироваться!

Понятное дело, что дома басить несподручно, и большей частью «тренироваться» мне приходилось на работе. Особенно удобно это было делать по ночам, когда все спят и лишние по горке не ходят. Оставшись на рабочем месте в одиночестве, можно было практиковаться беспрепятственно. Только лесной филин был единственным свидетелем моих экзерциций.

Горку нашу намывали при помощи специальных приспособ-

соблений, из-за чего вокруг, насколько хватало глаз, раскинулось огромное болото. Деревья большей частью погибли, но кое-где оставались стоять. Вот на такой высоченный ствол мертвой березы с обломанной верхушкой повадился по ночам прилетать большой лесной филин. Он садился на него сверху и подолгу не улетал, несмотря на окружающий шум и яркий свет прожекторов. Со временем мы к нему привыкли и даже дали ему прозвище – Ушастый. Иногда он начинал «ухать». И, даже зная, что это кричит наш Ушастый, становилось немного не по себе.

Как-то от одного машиниста я услышал, что о горке стали поговаривать как о месте не то чтобы нечистом, но неспокойном.

– Рассказывают, что там у вас по ночам слышатся какие-то непонятные звуки и от этих звуков людям становится не по себе.

– Так это наш филин кричит, – успокоил я коллегу, – ничего страшного, он ласковый. – И в то же время, после разговора с товарищем, работая в ночную смену, я стал как-то произвольно все чаще и чаще оглядываться, а, оставаясь на горке в одиночестве, в ответ на непонятные шумы, словно невзначай, начинал читать 90-й псалом.

Такое мое поведение стало меня раздражать. «Без пяти минут диакон, – стыдил я самого себя, – и впадает в какие-то примитивные суеверия!» В то же время я тревожно всматривался в сторону окружавших нас непроходимых болот.

Однажды, как обычно ночью, я снова тренировался произносить ектеньи, решив начать с уже привычного «паки и паки...». На улице было темно и тихо, стоял легкий морозец, но совсем неколючий. Для разминки я попробовал голос в нашей будке для обогрева. Будка была старая, и окна в ней держались кое-как. Всякий раз, когда мимо проходили вагоны, стекла начинали дребезжать. Вспоминая протодиакона из гродненского собора, я за критерий подлинного диаконского профессионализма брал именно его способность заставить дребезжать оконные стекла. Конечно, маленькая будка – это вам не огромный кафедральный собор, но и я, простите, не протодиакон!

Всякий раз, начиная распеваться, я в надежде прислушивался к нашим стеклам, но басить и одновременно фиксировать еще и какие-то сторонние звуки нелегко. Хорошо было бы, конечно, подключить кого-нибудь из наших ребят, чтобы следили за состоянием окон, но мне было как-то неудобно, – боялся насмешек.

Не зажигая свет, я встал с лавки и протрубил возглас. Неожиданно рядом с будкой раздался визг и шум падающего на асфальт тяжелого предмета. Потом визг, как мне показалось, перешел в поросячье хрюканье и звук быстро удалявшегося топота копыт. Была зима, но территория вокруг нашей будки расчищалась до асфальта, а звук поросячьих копытец я не спутаю ни с чем.

Тогда-то мне и вспомнилось предупреждение машиниста.

Вот оно, началось! Нечистая сила... Немедленно откуда-то из глубин памяти стали угодливо всплывать описанные Гоголем жующие свиные рыла, Вий с вурдалаками, красная свитка... Да и как им не появиться, если человек готовится к принятию священного сана?!

Враг ходит вокруг каждого из нас, а уж вокруг завтрашнего диакона – их наверняка целый хоровод! Но возгласа-то все-таки испугались! Да и я, по правде говоря, тоже струхнул...

В тот момент мне стало понятно, что означает выражение «волосы встали дыбом». Не помня себя, я мгновенно оказался на столе и, поджав под себя ноги, принялся в голос читать «Да воскреснет Бог...». Как, однако, полезно знать такие молитвы!

Прислушался. За окном вновь стояла мертвая тишина, и решил я осторожно выйти из будки, чтобы поглядеть вслед умчавшимся бесам.

Тихонько слезаю со стола и, подойдя на цыпочках к двери, осторожно, чтобы не скрипнула, начинаю ее открывать. Так же крадучись выхожу на улицу, и тут мне в спину бьет жуткое, душераздирающее уханье филина.

– Ты еще тут, Ушастый! – закричал я в негодовании. – Молчи, и без тебя тошно! Скорее бы уж кто-нибудь из ребят приехал...

Принялся искать какие-нибудь следы, но все было чисто, никаких отпечатков копыт. Ну и дела... Ладно, думаю, рассказывать ничего никому не стану, лучше в следующую ночь вокруг будки святой водичкой покроплю.

Недели через две мне пришлось выйти с другой сменой в сортировочный парк. Когда во время работы я зашел в пункт обогрева попить чайку, то, кроме дежурного охранника, лежавшего на лавке, в помещении никого не было. Узнав, что я с горки, он сразу же сел и с интересом переспросил:

– Ну да, с горки? Вот так так...

– А что в этом особенного? – спрашиваю.

Охранник подсел ко мне с заговорщицким видом:

– Да местечко у вас там не-хо-ро-шее! – Он сделал ударение на последнем слове, проговорив его отчетливо, по слогам.

Мое сердце замирает в предчувствии прикосновения к тайне.

– А кто это говорит?

– Да я тебе говорю! – Он даже привстал от волнения. – Ты понимаешь, недели две назад я проводил груз и возвращался на дежурный пункт. Ночь изумительная, тепло, безветренно. Работы почти нет. Тишина... Иду, думаю о своем – и вдруг! Возле самой будки у вас на горке кто-то как заорет! И так страшно, не по-человечески. От этого крика у меня в груди все задрожало, затряслось. Мужики и раньше предупреждали, что, мол, там, на горке, что-то не то творится. От неожиданности я поскользнулся и упал. Попытался кричать, но от страха горло перехватило, я – на четвереньки и наутек. А тут еще вслед захохотали по-сумасшедшему, словно филин закричал. Короче, еле ушел! Только потом о пистолете вспом-

нил. Да разве в таком деле пистолет поможет? Здесь серебряные пули нужны...

Слушаю его и начинаю понимать, что передо мной сидит жертва моего диаконского искусства, тот самый «поросенок», что от страха захрюкал у меня под будкой. Выходит, это от него я святой водой спасался! Что же получается? Старался, тренировался, репетировал, а в результате чуть было до инфаркта не довел человека, да и по станции нехорошие слухи пошли. Хорошо, что есть Ушастый – существо бессловесное, если что, всё на него свалим...

Уже потом, во время сорокоуста я пришел к выводу, что и в большом храме, и в алтаре, наглухо отделенном от всего остального пространства иконостасом, меня не слышно. Мой бас утонул в шубах прихожан. И тогда по наитию я стал возглашать ектеньи все выше и выше. У меня открылся тенор, и недурной. Более того, к концу сорокоуста я был способен перейти уже чуть ли не на фальцет.

Но через какое-то время меня снова стал занимать все тот же вопрос: а от тенора стекла могут дрожать или нет? Понятно, что во всем нужна тренировка... Уже было подумывал начать, но велели готовиться к священнической хиротонии. А для священника, дрожат ли стекла во время его проповеди или нет, вопрос непринципиальный.

Чудеса

Тетя Валя, моя бывшая соседка, всякий раз, как ложилась в больницу, звала меня ее причащать. Сама она в храм не ходила – не могла выстоять службу. Когда-то, уже в зрелом возрасте, пришла в храм и простояла всю службу, не сходя с места. Подошвы ног у нее потом горели, и после этого она не смогла себя заставить прийти еще хотя бы раз. «Разве можно объять необъятное?» – спрашивал я ее тогда. В Церкви нельзя на «забег» длиной в целую жизнь выбегать как на стометровку. Нельзя с ходу, наскоком постичь Бога нашим поврежденным сердцем и судить о Церкви пораженным страстями умом.

В больницу, считала тетя Валя, батюшка уже сам обязан идти. Каждый год тяжелейший бронхит укладывал ее на больничную койку, и всякий раз, только причащаясь Святых Христовых Таин, она возвращалась к жизни. Так было несколько лет подряд, а в итоге подвело сердечко, прямо на Благовещение.

В одно из таких посещений я захватил с собой лишнюю частичку Святых Даров. Спрашиваю медсестру:

– Нет ли у вас какого-нибудь безнадежно больного, но только чтобы в разуме был человек?

Думаю: «Все равно мне потом его отпевать, может, кого и подготовить получится». С этим у нас плохо – не хотят люди уходить из жизни по-христиански. Откладывают исповедь и причастие на такое «потом», что остается только ру-

ками разводите. Боятся батюшку пригласить, примета, мол, плохая. Если пригласишь – непременно помрешь. Без него еще, может, и выкарабкаешься, а с попом – уже точно не жилец! Иногда отказ от причастия мотивируется брезгливостью. Старенькая бабушка, лет за восемьдесят, раковая больная, страдает от водянки, разлагается уже при жизни.

– Мать, давай батюшку пригласим, покаяться тебе нужно, святыню принять!

– Нет, брезгую я из одной ложки!

А то, что ею самой могут побрезговать, до сознания человека не доходит...

Провели меня в палату. В ней отдельно, видимо, чтобы не смущать других больных, тихо умирала женщина. Помню, звали ее Ниной. Взгляд – безучастный ко всему, голос еле слышен. Сестра говорит мне, что у нее пролежни уже до костей.

Я потом видел их, Нина сама мне показывала. От копчика до поясницы и на пятках – широкие полосы, цветом напоминавшие офицерский ремень. Не было у нее ни газет, ни книжек, ни телевизора, не стояли на тумбочке и обычные в таких местах маленькие иконочки. Я присел рядом и спросил у Нины:

– Вы верите во Христа?

Она сказала, что много слышала о Нем, но конкретно ничего не знает. Я рассказывал ей о Христе, о Его любви к человеку, о Церкви, которую Он основал и за которую умер. Она

внимательно слушала меня, и когда я спросил ее, не хочет ли она принять Святое причастие (а тянуть с предложением было нельзя – никто не знал, доживет ли она до завтрашнего дня), Нина согласилась. Она действительно принесла покаяние, как смогла, конечно, и причастилась. Перед причастием я предупредил ее, что Бог волен сохранить ее на земле, но она должна обещать Ему, что оставшуюся часть жизни проведет в храме. Нина пообещала: если выживет, то будет жить совсем другой жизнью, и заплакала.

Потом я приходил к ней еще раз, принес Евангелие. Когда вошел в палату, увидел Нину стоявшей у окна. Удивительно, но после причастия ее состояние совершенным образом изменилось. Нина внезапно и резко пошла на поправку, ей осталось только залечить пролежни и выписаться домой. Наши медики не могли объяснить причину столь непонятного выздоровления фактически обреченного на смерть человека. На их глазах произошло настоящее чудо.

С тех пор я нередко встречал Нину в поселке и ни разу не видел в храме. Я напоминал женщине об обещании, данном ею перед причастием, но она всякий раз находила причину, почему до сих пор не нашла времени даже просто зайти в храм. Почти год Нина докладывала мне о своих успехах на даче:

– У меня трое мужиков, батюшка, мне их всех кормить нужно, вот и тружусь не покладая рук!

Где бы ни происходила наша встреча, Нина всегда бурно

приветствовала меня. Я напоминал ей о ее словах, сказанных на смертном одре.

– Неужели ты не понимаешь, что если не исполнишь свое обещание, то умрешь?

Нина на мои слова всегда как-то отшучивалась, пока уже поздней осенью, после окончания всех сельскохозяйственных работ, не сказала мне жестко и определенно:

– Я никогда не приду к тебе в храм. Неужели ты этого до сих пор не понял? Я не верю ни тебе, ни в твоего Христа.

Не знаю, как сейчас живет Нина, и жива ли она вообще. Но я больше не встречал ее в поселке. Никогда с тех пор не встречал...

Недавно друзья отвезли меня к одной моей старой знакомой, назову ее Надеждой. Мы виделись с ней года три назад. Надежда по-человечески очень несчастна. В свое время болезнь сделала ее кости настолько хрупкими, что почти каждое падение приводило к какому-нибудь перелому. А потом еще и злокачественная опухоль в довершение всех бед... Муж ее к тому времени уже умер, детей супруги не нажили, да и из родственников практически никого не осталось. Надежда была обречена на одинокую и мучительную кончину, если бы не встретила гастарбайтера из Узбекистана по имени Камил. Не знаю уж, что могло привлечь Камилу в Надежде, но сам он, человек немолодой и одинокий, взял на себя заботу об этой несчастной женщине. Камилу я знал хорошо, он целый сезон отработал у нас, ремонтируя колокольню. Прав-

да, тогда я не разглядел в нем тех качеств, о которых узнал потом. Так вот, именно Камил заявил Надежде о необходимости пригласить к ней на дом отца, так меня называли наши строители-узбеки.

– Отец помолится, и тебе станет легче, – убеждал он Надежду. – Нужно молиться, Надя. Я буду молить Аллаха, а ты молись Христу, и Он тебе обязательно поможет!

Надежда впоследствии рассказывала мне, как Камил убеждал ее начать молиться и как ей было трудно преодолеть свое неверие и решиться на разговор со священником. Прежде она ни во что не верила, зализывала в одиночестве свои раны и готовилась умирать. Все в ее жизни было жестко и определено, а тут вдруг какая-то ирреальность... Итак, друзья привезли меня домой к Надежде. Она знала, что я буду предлагать ей принять причастие, а для этого ей нужно было хотя бы не курить с утра, но она, конечно же, выкурила пару сигарет. Помню, как суетился Камил, как он был рад принимать отца в качестве почетного гостя в своем доме.

Надежда лежала в постели с очередным переломом. Общий язык мы с ней нашли на удивление легко. Она всю жизнь проработала простым маляром на стройках, а я десять лет – рабочим на железной дороге. Это обстоятельство нас, наверно, и сблизило. Она думала, что увидит перед собой нечто из другого мира, а пришел такой же работяга, как и она сама, и нам было о чем поговорить. Я рассказывал ей о Христе и Его страданиях, а она мне – о своих болях. В конце

концов я услышал от нее то, чего ждал. Она сказала, что хотела бы верить во Христа и, наверное, стала бы христианкой, но, очевидно, не судьба...

– Надежда, – ответил я ей тогда, – если ты действительно Ему поверишь, то Он может сохранить тебе жизнь и поставить на ноги. Но потом ты уже не выйдешь из храма. Если ты на это твердо решишься, все так и произойдет.

Она обещала.

Удивительное дело, но думаю, что Надежда исцелилась по вере мусульманина-гастарбайтера. Ее нога немедленно срослась, и женщина впервые за несколько лет вышла из дома без костылей. Дальше – больше, ее сняли с учета как онкологическую больную. Прошло больше года; она ходила по городу, посещала друзей, но так и не нашла времени хоть раз зайти в храм, что стоит рядом с ее домом. Чудеса...

Чем можно объяснить такую неблагодарность тому, Кто только что так волшебным образом даровал тебе еще один шанс на жизнь? Понятное дело, даровал не ради телевизора с его бесконечными сериалами и прочей ерунды, а на покаяние. Я знал, что ее болезнь вернется. Так и случилось: вновь – больничная койка и кучи лекарств. Спасибо, что хоть Камил не оставляет – вот уже десять лет живут вместе.

И вот на первой неделе Великого поста Надежду привезли к нам на службу. Снова мы разговаривали с ней о грехе, снова я готовил ее к причастию. Она знала, что будет причащаться, знала, что ей нужно хотя бы утром воздержаться

от курения, но, конечно же, накурилась. Иного я и не ожидал, но, тем не менее, допустил к причастию, потому что, возможно, это ее последняя возможность побывать в храме. Причащал и думал, а вдруг Господь даст ей еще один шанс? Кто знает, но я почему-то сомневаюсь...

Иван

Помню, как он впервые пришел к нам в храм: такой забавный мужичок-лесовичок. Небольшого роста, полный. Робко подошел ко мне и попросил поговорить с ним. Сказал, что тяжело болен и жить ему осталось недолго.

– Если сделать операцию, врачи говорят, проживу еще шесть месяцев, а если не сделать, то полгода, – невесело пошутил он. – За свои шестьдесят шесть лет я как-то никогда не задумывался ни о жизни, ни о смерти, а вот сейчас хочешь не хочешь, а нужно готовиться. Помоги мне, батюшка!

Он стал часто бывать на службах, читал Евангелие. Регулярно причащался, но одного я никак не мог от него добиться: очень уж мне хотелось, чтобы он по-настоящему покался. Не так, как часто говорят люди, приходя на исповедь: «Грешен». Спросишь: «В чем?» Ответ: «Во всем». И молчок, «зубы на крючок». И как ты его ни раскачивай, ну не видит человек в себе греха, хоть ты его палкой бей!

Мы каждый день молимся молитвами святых. А ведь они себя самыми грешными считали. Читаешь: «Я хуже всех людей» – и думаешь: «Что, неужели хуже моих соседей?» Не понимаем мы, что чем выше поднимается в духовном плане человек, тем больше ему открывается его несовершенство, греховность его натуры. Это как взять листок бумаги и поднести его к источнику яркого света. С виду листок весь белый, а на свету каких только вкраплений не различишь! Вот и человек – чем ближе становится он ко Христу, тем больше

видит в себе дряни.

Но никак я не мог внушить эту мысль Ивану. Нет у него грехов, и все тут! Вроде и искренний человек: старается, молится, а ничего в себе увидеть не может. Долго мы с ним бо-ролись, может, и дальше бы продолжали, да срок поджимал. Начались у Ивана боли, стал он в храм приходить все ре-же. По-человечески мне его было жаль, но ничего не подела-ешь. Бог его больше моего пожалел, дал такую язву в плоть! Неужели было бы лучше, если бы он умер внезапно, напри-мер во сне? Вернулся бы из пивной или из гаража, прилег бы вздремнуть и больше бы не проснулся? Господь ниспослал ему болезнь во спасение, и мы обязаны были успеть.

Однажды раздался звонок:

– Батюшка, Иван разум потерял! Можно ли его прича-стить? Всякий раз после причастия ему становилось легче.

Поехали в его деревеньку. Дом их стоит на отшибе, метрах в ста от остальных. Захожу и вижу Ивана. Сидит на кровати (он уже не мог встать), доволен жизнью, улыбается. Увидел меня, обрадовался, а потом задумался и спрашивает: – А ты как попал сюда? Ведь тебя же здесь не было.

Оказывается, метастазы, поразив головной мозг, вернули его сознание ко времени тридцатилетней давности. Иван сидел у себя на кровати, а вокруг него шумел своей жизнью большой сибирский город, в котором он когда-то жил. Он видел себя сидящим на зеленом газоне, кругом проносились

и сигналили машины, мимо сновали люди. Все были заняты своими делами, и никто не обращал внимания на Ивана. Вдруг он увидел напротив себя на этом же газоне священника, к которому он подойдет только через десятилетия.

– Неужели и ты был тогда в моей жизни?

Я решил немного подыграть ему и ответил:

– Да, я всегда был рядом. А сейчас давай будем соборваться, и я тебя причащу.

Он охотно согласился. За эти полгода Иван полюбил молиться. Через два дня, утром в воскресенье перед самой литургией я увидел его входящим в храм. Он был в полном разуме, шел ко мне и улыбался.

– Батюшка, я все понял! Я понял, чего ты от меня доби- ваешься!

Наконец мне довелось услышать настоящую исповедь, ту самую, которой так долго ждал. Я его разрешил, он отстоял службу, причастился и только после этого уехал. Перед отъездом сказал:

– Приди ко мне, когда буду умирать.

Я обещал.

Через день мне позвонила его дочь:

– Вы просили сообщить, когда отец начнет умирать. Он периодически теряет сознание.

Я вошел к нему в комнату. Иван лежал на спине и тихо стонал. Его голова раскалывалась от боли. Я присел рядом и тихонько позвал:

– Иван, ты слышишь меня? Это я. Я пришел к тебе, как и обещал. Если ты меня слышишь, открой глаза.

Он открыл глаза, уже помутневшие от боли, посмотрел на меня и улыбнулся. Не знаю, видел он меня или нет. Может, по голосу узнал. Улыбнувшись в ответ, я сказал ему:

– Иван, сейчас ты причастишься в последний раз. Сможешь?

Он закрыл глаза в знак согласия. Я его причастил, и умирающий погрузился в забытие. Уже потом его вдова сказала мне по телефону, что Иван пред кончиной пришел в себя.

– У меня ничего не болит, – сказал он, улыбнулся и заснул.

Отпевал я его на дому, в той комнате, где он и умер. Почему-то на отпевании никого не было. Видимо, время было неподходящее.

Я взглянул на Ивана и остановился в изумлении. Вместо добродушного простоватого мужичка-лесовичка в гробу лежал древний римлянин, и не просто римлянин, а римский патриций. Лицо изменилось и превратилось в лик. Словно на привычных узнаваемых чертах лица проступило новое внутреннее состояние его души. Мы с тобой успели, Иван...

О, великая тайна смерти, одновременно и пугающая, и завораживающая! Она все расставляет по своим местам. То, что еще вчера казалось нам таким важным и нужным, оказывается не имеющим никакой цены, а то, на что прежде и внимания не обращали, становится во главу угла всего нашего бытия – и прошлого и будущего. Не нужно плакать об

умерших: дело сделано, жизнь прожита. Нужно жалеть живых, пока есть время. А оно обманчиво, течет незаметно и заканчивается внезапно. Там времени нет, там – вечность.

Родственники Ивана почти не заходят в храм. Никто не заказывает в его память панихиды и поминальные службы. Но я поминаю его и без них, потому что мы с ним за те полгода стали настоящими друзьями, а друзьями не разбрасываются!

Новый год

Новый год, 2 января, вечер. Иду на отпевание усопшего, а сам думаю: «А туда ли я шагаю?..» Адрес записать не удалось, понадеявшись на память. Номера телефона тоже нет, а значит, подтвердить вызов никто не сможет, так что приходится полагаться только на интуицию.

Пятый этаж. Ни при входе в подъезд, ни возле квартиры никаких свидетельств присутствия покойника. Хотя сейчас это – обычное дело. Люди опасаются всевозможных неожиданностей. Знакомый батюшка рассказывал мне: в их городке люди оставили на ночь крышку гроба у входа в подъезд, а какие-то «шутники» решили позабавиться и утащили ее. Утром хватились, а крышки-то и нет! Что делать, где искать? Хоть плачь... И тут телефонный звонок: «Это не вашу крышку несут наши факелоносцы?»

Дело в том, что у них возле спортивной площадки когда-то установили несколько привычных для всех советских людей гипсовых фигур. Обычный набор: женщина с веслом, спортсмен с ядром и бегущие факелоносцы. Тетка с легкоатлетом уже давно рассыпались и исчезли со своих постаментов, а факелоносцы все еще куда-то бежали. Вот на них-то эти клоуны и водрузили крышку гроба. Когда несчастные родственники покойного плакали и снимали крышку, вокруг монумента стояли и смеялись какие-то люди.

Прежде чем позвонить в дверь, прислушался: а вдруг я ошибся? Представьте себе картинку: вы весело, ничего не

подозревая, отмечаете праздник, а к вам вваливается батюшка в черной одежде и совершенно трезвым голосом вопрошает: «Это у вас тут покойник?» С ума можно сойти при нашей всеобщей мнительности и суеверии!

Помню, еще в годы моей юности к нам в военный городок привезли из Афганистана печально известный «груз 200», причем перед самым Новым годом. Тогда погиб молодой офицер – его застрелил снайпер. И непонятно, то ли случайно парень высунулся, то ли из-за письма, что от жены получил. Уж не знаю, по чьей вине, но только родителей о том, что их сын погиб и тело везут домой, заранее не предупредили. Те готовятся встречать праздник, стол накрыли, шампанское в холодильник поставили. А тут в дверь звонят, думали, соседи поздравлять пришли. Вот ведь как в жизни бывает...

Прислушался, действительно за дверью поют; голоса громкие, радостные. Точно, ошибся. А что делать? Другого адреса у меня все равно нет. Может, рискнуть? Спрашивать ни о чем не буду, а только поздравлю народ, словно я Дед Мороз, и скажу: «Простите, люди хорошие, ошибся!»

Звоню, открывают. Смотрю, из кухни в коридор тянется длинный стол, за ним сидят человек пятнадцать, все выпившие и довольные. Сразу видно, времени зря не теряют. Я выпаливаю заготовленную тираду, а мне в ответ под общий восторг:

– Нет-нет, не ошибся!

Помогают раздеться, и, протиснувшись между столом и

стенкой, я иду в гостиную.

Вхожу. В большой комнате стоит на столе гроб, в нем покоится тело пожилого мужчины. Это – дед и отец тех, кто пьет и веселится за дверью. Приглашаю народ помолиться, думаю: сейчас все встанут и пойдут, но не тут-то было! Никто даже не шелохнулся и уж тем более не стал вставать. Только как-то поскучнели все и замолчали. Веселье оборвалось, наступило тягостное молчание, и это на Новый-то год! Я почувствовал себя тем крокодиллом из стишка, который у детишек солнышко отобрал.

Родственники новопреставленного начали переглядываться и о чем-то шептаться, а потом ко мне подошел молодой мужчина на голову выше меня с большими и, без сомнения, сильными руками. Он вежливо, но крепко обнял меня за плечи и попросил пройти с ним в другую комнату. Мы сели на диван, и он спросил:

– Батюшка, сколько тебе надо?

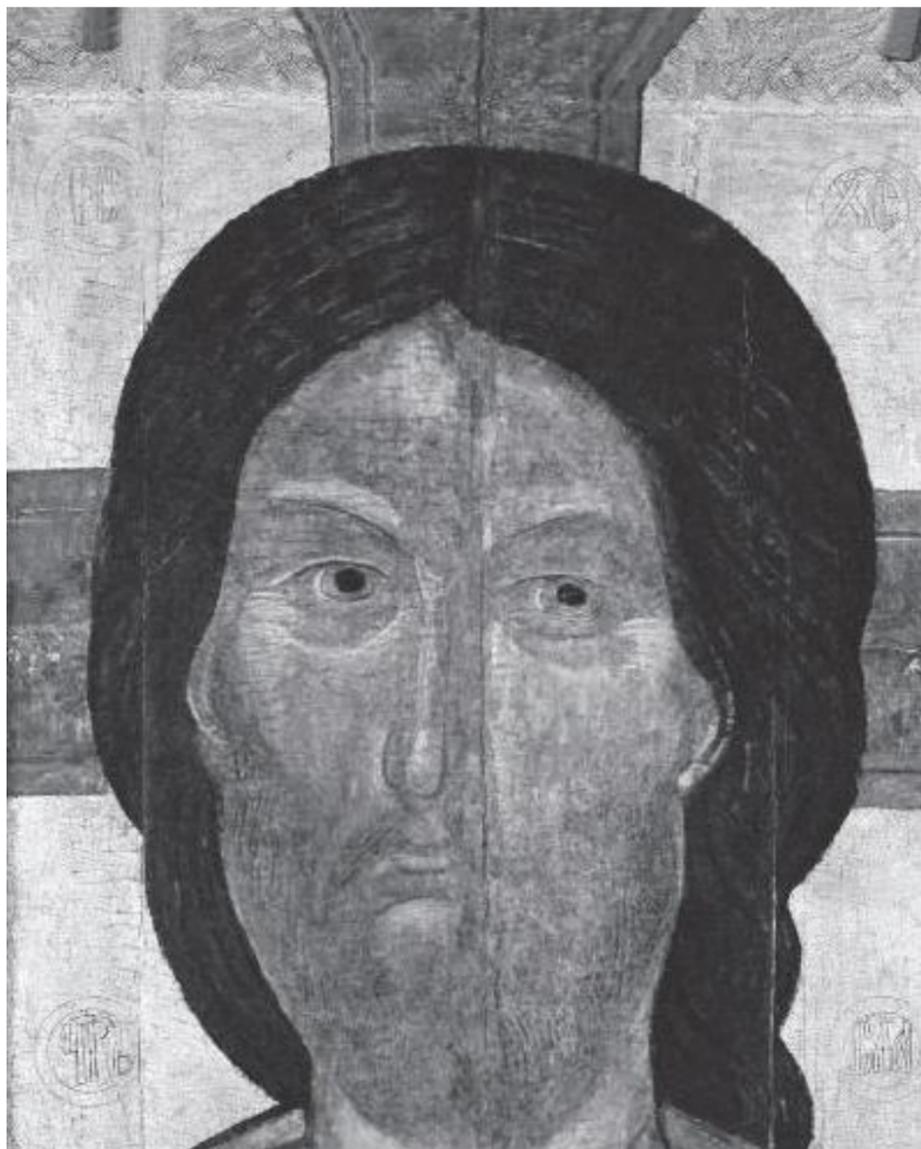
Я его сначала не понял, но потом сообразил. Вопрос о пожертвовании за исполненную требу всегда для меня неприятен, хотя служу я уже давно. Как и во сколько рублей можно оценить молитву? Для меня это всегда остается загадкой. Никогда не назначаю цену – лишь принимаю пожертвование. Как правило, все требы оформляются за свечным ящиком, и не мною, но эти люди телефонным звонком вызвали священника на дом и заранее в церковь не приходили. Оно и понятно – Новый год. Парень, видимо сын усопшего, достал

внушительную пачку крупных купюр и отсчитал деньги:

– Батюшка, у меня к тебе просьба: ты уж сам что-нибудь придумай, только, пожалуйста, иди отсюда, не порти нам праздник!

Я шел по улице и не знал, что мне делать, плакать или смеяться? Жалко было умершего старика: еще не закопали, а уже забыли. Если ты не нужен даже самым близким людям, то кому ты нужен вообще? Выбросят из дома, как старую ветошь, и забудут. Никто за тебя никогда не помолится. Хотя кого в этом винить? Скорее всего сам и виноват: растил, одевал, учил детей и думал, наверное, что в этом и состоит самое главное. А этого, оказывается, мало, из ребенка следует вырастить человека, а не едока. Человек, кем бы он ни был и чем бы ни занимался, всегда останется человеком, а едок, каких бы жизненных высот ни достиг, никогда и не поднимется выше уровня столешницы.

Спас Оплечный

По-разному приходят в храм иконы, и в связи с радостными событиями, и в связи с грустными.

У каждой – своя история, и тоже иногда – счастливая, а порой – и печальная, как и у людей, с судьбами которых они связываются неразрывно.

– Батюшка, вас просят выйти, – говорит мне моя алтарница, матушка Вера. – Там молодая пара пришла. Хотят с вами поговорить, по-моему, они икону принесли, – уточняет она.

Выхожу из алтаря. Молодой человек показывает мне образ Пресвятой Богородицы середины девятнадцатого века в старом киоте. Икона хорошо сохранилась, будто была написана всего с десяток лет назад.

– Батюшка, – обращается он ко мне, – у нас бабушка умерла, а ее икона нам досталась. Вот мы и решили принести ее в храм.

Конечно, радостно, что приходят такие замечательные образы, но почему они принесли ее нам, а не оставили у себя как память о родном человеке? В ответ слышу:

– Эта вещь, к сожалению, не вписывается в интерьер нашей квартиры. Мы уж и так, и так смотрели, ну никак не подходит.

– Ребятки, а ведь эту икону держали в руках как минимум пять-шесть поколений ваших предков. Она связывает вас с ними. Может, все-таки передумаете, оставите у себя? – спрашиваю с робкой надеждой.

– Нет-нет, батюшка, мы уже решили. Ну не выбрасывать же нам ее, правда? Так что забирайте!

Вот и еще один образ обретает пристанище в нашем храме...

Как-то соборовал женщину лет сорока. Она умирала, и я понимал, что дни ее сочтены. Муж показывал мне иконы, хранившиеся у них в доме, и среди них – миниатюрный образок Пресвятой Богородицы, выполненный в металле.

– Это – не просто иконочка, батюшка. Это – наша семейная реликвия! С ней мой дед прошел еще Первую мировую войну и ни разу не был ранен. Его мать, моя прабабушка, благословила его перед уходом на фронт. А потом уже моя бабушка благословляла моего отца, когда его призвали воевать с фашистами. И ведь тоже за всю войну ни одного серьезного ранения!

Было видно, что мой собеседник – человек нецерковный, да, пожалуй, и неверующий, но мой приход к ним, видимо, стал для него последней надеждой. После исповеди, соборования и причастия, когда я уже уходил, Геннадий – так звали мужа умирающей – с надеждой спросил, протягивая мне пожертвование на храм:

– Ну что, батюшка, она останется жить?

– На все воля Божия! Я ничего не могу вам сказать определенно, но думаю, что чувство, с которым причащалась ваша жена, позволяет надеяться: душа ее будет жить.

Денег я у него не взял.

Женщина умерла, а через несколько дней, проходя мимо их дома, я увидел Геннадия. Он жег костер. Иногда люди сжигают личные вещи усопших. Он заметил меня и крикнул, чтобы я подошел. Когда я приблизился к костру, то увидел, что горят иконы – те, что стояли в их доме.

– Ума не приложу только, что делать с этой железкой. – Он протянул ладонь, на которой лежала их семейная реликвия, тот самый образ Пресвятой Богородицы. – На помойку выбросить рука не подымается. Утопить разве? Не знаю...

– Отдайте ее мне, – попросил я.

Он легко и даже как-то с видимым облегчением избавился от иконы.

– Она будет находиться у меня в алтаре, и в любой момент вы сможете забрать ее.

Как хорошо, что я не взял тогда его деньги...

Примерно год спустя я увидел его вновь. Он на велосипеде проезжал мимо храма на дачу.

– Геннадий, – окликнул я его. – Ваша иконочка по-прежнему у меня. Не хотите ли забрать?

Он лишь отмахнулся.

– Тогда я отдам ее в надежные руки. Вы не возражаете?

– Делайте с ней что хотите, – ответил Геннадий, не останавливаясь и не слезая с велосипеда.

Сейчас икона находится дома у одного из моих друзей. Ему приходится много ездить, встречаться с людьми. Когда я передавал ему образ, то рассказал его историю. Мой друг

взял в руки икону, благоговейно поцеловал ее и положил в карман пиджака – напротив сердца. Я знаю, что он с ней никогда не расстается...

А однажды по дороге из храма в поселок меня остановил мужчина лет тридцати пяти:

– Батюшка, нам икону продали, очень дешево. Такая большая старинная икона, как нам сказали, Спас Оплечный. Надеялись, что в семье у нас лучше станет, а только, наоборот, все ухудшилось. Может, она ворованная?

– Все может быть, – отвечаю.

– Я хочу икону принести в храм. Возьмете?

– Конечно возьмем, приносите.

Прошло какое-то время, я уже и забыл о том разговоре, но, вновь столкнувшись с этим человеком, вспомнил.

Правда, только после того, как он снова первым заговорил со мной:

– Батюшка, совсем у нас плохо! Я обязательно принесу Спаса.

Принес он его только месяца через два. Меня в это время в храме не было, но мои матушки рассказали, как мужчина поставил образ на столик и произнес, обращаясь к нему, словно к живому:

– Ну, вот Ты и снова в храме! Думаю, что Тебе здесь будет хорошо, это будет Твой новый дом.

А потом, повернувшись к моим помощницам, сказал:

– Попросите батюшку помолиться об Ольге. Это моя жен-

щина, она пропала.

На все расспросы он лишь повторял, словно сомнамбула: – Ольга пропала... Ушла из дома и не вернулась. Документы, деньги и все вещи на месте, а ее нет...

Мы молились об Ольге, но только тот человек в храм больше не приходил.

После этого события прошло, наверно, года три, и я, как обычно по вторникам, отправился в область, в семинарию, читать лекции своим студентам. Стоял небольшой утренний туман, да еще и торфяники горели, поэтому ехал осторожно. Впрочем, на ижевском «москвиче» и при желании особенно не разгонишься. Уже отъехав от дома километров тридцать, машина внезапно вошла в полосу сплошного тумана. Никогда – ни до, ни после этого я не оказывался в таком мареве. Как будто лобовое стекло оклеили белой бумагой.

Резко сбросив скорость, я еще ехал вперед по инерции, но куда двигался на самом деле, определить не мог. Вдруг вижу контуры горящих фар и понимаю, что выскочил на встречную полосу. Резко вывернул руль вправо, в сторону кювета. Как ни странно, я мог различить границу асфальта и гравийной отсыпки обочины.

Остановился и зажег все огни. Думаю, пережду, но не тут-то было: вижу, прямо на меня дрейфует такой же бедолага. Пришлось выйти из машины и улечься ему на капот, чтобы он меня увидел и отвернул в сторону. Потом я снова двинулся потихоньку вперед, поскольку стоять при таких обсто-

ательствах – еще опаснее, чем ехать. Вдруг слева меня обгоняет высокий автобус с метровыми стоп-сигналами. Я пристроился за ним как за маяком, и мы «помчались» со скоростью километров двадцать.

Вдруг автобус резко затормозил, остановился и я, а вслед за мной встали и те, что шли за нами. Образовался затор, мы стояли и видели, как проехали «скорые» и пожарные. Пока ждали, я достал канон своему святому и принялся читать. Только окончил молитву, как правая дверь моей машины открылась и я увидел голову местного жителя.

– Мужик, – говорит он мне, – езжай назад, там, впереди, – он махнул рукой, – разгребать на целый день!

– Как же я поеду? По встречке? Ведь меня снесут!

– Не снесут, вся трасса перекрыта.

Позже из новостей я узнал, что в этом месте столкнулись более пятидесяти автомобилей. Именно на нас с автобусом прервался этот скорбный счет. Слава Богу, жертв для такой аварии оказалось на удивление немного.

Разворачиваюсь и снова еду в густом тумане, но теперь уже в противоположную сторону. Хорошо, когда кто-нибудь идет у тебя перед носом и прокладывает путь, но на этот раз идущего в авангарде не оказалось. Вдруг кто-то ложится мне на капот, точно так же, как и я недавно:

– Друг, подбрось до N! – Человек назвал районный городок. – Мне в ГАИ надо. Я тут в аварию попал...

Общими усилиями мы благополучно выбрались на све-

жий ветер.

– Представляешь? За месяц три машины разбил, и все – на левых поворотах! Вот ведь не везет!

– А ты бы их освятил, машины-то, да перед тем, как на поворот вставать, еще бы и молился.

– Да я в Бога верю, ты не думай! В церковь иногда захожу, а года три назад так даже икону старинную пожертвовал в храм. – И он назвал наше село.

– А какую? – спрашиваю.

– Спас Оплечный, – отвечает.

Мы едем, и в моей памяти всплывает и этот человек, и имя его пропавшей подруги.

– Слушай, – говорю, – а Ольга-то нашлась?

Он медленно повернул голову и посмотрел на меня широко открытыми то ли от удивления, то ли от ужаса глазами.

– Нет-нет, ты не подумай, я не фокусник и не колдун, я – священник того самого храма, в который ты передал икону. Мы молились о ней, ты же просил. Так нашлась Ольга?

Мужчина вздохнул и заговорил. Было видно, с каким трудом ему давались слова:

– Где я только ее не искал – все больницы от областного центра до Москвы прошел, все морги! Всех неопознанных погибших мне предъявили на опознание. Не нашел, отчаялся уже, волком выл. Потом подсказали на телевидение артисту Кваше написать. Через год ночью она позвонила. Говорит: «Не ищи меня, я просто ушла. Не могу я так больше, без

любви. Прости, но я не вернусь». И положила трубку. Даже документы не просила выслать...

Мы подъехали к городку, в который направлялся мой попутчик. Он вышел из машины, но потом вернулся и протянул мне сторублевую бумажку.

– Зачем? – спрашиваю. – Не нужно, нам же все равно было по пути.

– Помолись за Ольгу. Не знаю, как это у вас в Церкви называется. Сорокоуст? Твоя молитва быстрее дойдет. И пожалуйста, поставь свечу нашему с ней Спасу, пусть у нее все будет хорошо...

Разговор с собакой

*Вечер. Ветер. Осень, рот разинув,
Льет и ждет, когда же мы уйдем.
Слякоть. Холод. Двое – я и псина
Души свои лечим под дождем.*

Иеромонах Роман

Осенним вечером бегу, как обычно, по поселку по своим поповским делам, а навстречу мне по своим собачьим делам бежит пес. Я заприметил его еще издали. Отмечаю про себя, что-то он в пасти несет. Наверное, косточку. Сближаемся, пригляделся, странная косточка, какая-то нетипичная, больше на бутылку похожа. И точно, стеклянная бутылка из-под пива. Знаю, что псы любят играть пластиковыми бутылками или пивными жестянками, но чтобы стеклянные носили, такого еще не видел. Остановился в удивлении, а пес спокойно проследовал дальше. «Ну и дела, – думаю, – людей испортили, так уже и до скотины добрались!»

И так мне захотелось поговорить с этой собакой... Говорят, с животными легче договориться, чем с людьми. Вот одна моя знакомая, частный зубной врач, почти весь свой заработок тратит на помощь бездомным кошкам. У нее дома их порой больше двадцати собирается, да еще две собаки. Воюют все соседи, а она продолжает подбирать покалеченных животных, выхаживает, стерилизует их и кормит. Ей говорят: «Да тебе лечиться пора!», а она отвечает: «Нет, ребята, это вы больные, а я – в порядке».

Пожалуй, с животными действительно легче. Помню, захожу как-то в магазин, а там две молоденькие мамочки с малышами что-то покупают. На внутренней стороне двери висит плакат, рекламирующий какой-то сорт пива. Малыш указывает пальчиком на плакат и лепечет:

– Пиво...

Мать одобрительно смеется. Интересуюсь:

– Года три небось вашему мальчику?

– Два с половиной! – гордо отвечает мамочка, польщенная вниманием батюшки.

– Смотри-ка, – замечаю, – всего два с половиной, а о пиве уже знает!

– Так ведь мужик растет! – все тем же тоном отвечает мамаша.

Но если достоинство мужчины соизмерять с его знанием разновидностей пива и водки, то чем же в этой системе координат измеряется достоинство женщины? Время летит быстро, и не приведи Бог, мамочка, лет этак через пятнадцать – двадцать тебе, постаревшей и подурневшей от тревог и бессонных ночей, плакать перед иконой святого мученика Вонофатия о своем спивающемся сыне или муже или об обоих сразу! Сегодня это самая обычная картинка в нашем, да и не только нашем храме.

Жаль, что ты убежал, пес! Я рассказал бы тебе о том, как директор начальной школы, расположенной в соседнем с нами городке, попросила меня пообщаться с детьми. В тот месяц почти каждую неделю я приходил в какой-нибудь из классов. О чем я мог говорить с такими малышами? Ну, понятное дело, о послушании родителям, бабушкам и дедушкам. Приводил в примеры сказочных героев. Мы смеялись, читая о двух жадных медвежатах, о журавле и лисице. Такой

малышне не нужно доказывать бытие Божие, они в этом и не сомневаются вовсе. Им лишь нужны примеры для подражания, а с этим у нас дела обстоят неважно. Вот и пытаешься действовать от обратного: берешь отрицательный типаж и учишь ни в коем случае ему не подражать. Но это не всегда достигает цели, а порой может даже превратиться в своего рода рекламу греха, поэтому здесь нужно быть очень осторожным и не перестараться.

Так вот, псинка, прихожу я однажды в эту самую школу. Меня провели в помещение, где за партами сидели около сорока ребятишек. Сейчас таких классов уже и не бывает: ну двадцать, максимум двадцать пять учеников, а здесь – все сорок. Интересуюсь: видимо, спаренный класс? Нет, отвечают, просто такой большой. Потом уже мне растолковали, что в нем собраны дети из так называемых «пьяных» семей. Оказывается, такие классы формируются здесь для каждого годового потока, и, как правило, они оказываются самыми востребованными. Но меня об этом заранее не предупредили.

Моим слушателям было лет по восемь-девять, все такие хорошие, глазастые, смотрят на меня с интересом: а кто это к нам пришел? Люблю такую ребятню, что у них на уме, то и на языке! Как-то иду по этому же городку в подряснике и с крестом. Увидели меня двое пацанов лет этак шести-семи и застыли от удивления. Один другого спрашивает:

– Ты знаешь, кто это?

– Не-а...

– А я знаю. Это – мусульманин!

Может, и эти огольцы меня за магометанина приняли? Кто их знает... Начинаю разговор, как обычно подхожу к теме о послушании родителям. Детвора меня внимательно слушает. Я уже «растекаюсь мыслью по древу», дохожу до отрицательных героев и начинаю громить тех непослушных детей, которые подбирают на улицах окурки и потом дымят ими в кустах. О, мое золотое детство!

Мне даже ничего и придумывать не нужно, погружайся в глубины памяти и черпай хоть совковой лопатой! О плохих словах тоже поговорили, а потом, знаешь, пес, дернуло меня сказать им:

– А еще, дети, есть на свете такие несчастные люди, которые любят пить пиво и вино. Когда-то они не слушались своих родителей, и сейчас вы можете на них посмотреть. Они ходят по улицам и качаются, порой даже падают и остаются лежать на мостовой. Как зовут таких людей?

Я уже хотел подсказать «грешники», а услышал дружный хор из сорока детских голосов:

– Алкаши!

Одна малышка вскакивает с места и кричит:

– А бабушка говорит, что моя мама – алкашка!

Другой вторит:

– А у меня папа спился!

Моим слушателям очень хочется вступить со мной в раз-

говор, рассказать батюшке или мусульманину, да все равно кому о том, что им так хорошо знакомо:

– А я с дедушкой и бабушкой живу, у меня и папа, и мама – пьяницы!

– А мой папа от водки удавился!

– А у нас только бабушка не пьет!

– А у нас папы нет, а мама пьет!

– А у меня родители по пьянке в машине угорели!

Я с ужасом слушаю эти крики. А они все взрываются в воздухе, словно хлесткие щелчки пастушьего кнута. Дети повскакивали с мест, они уже вышли в проходы между рядами и тянут вверх свои ручонки, чтобы я спросил их, а они одной фразой поведали бы мне о трагедии их еще совсем коротенькой, но уже такой несчастной жизни.

Я уже никого и ни о чем не спрашивал, а они, все сорок, продолжали кричать, и их крики били меня, взрослого человека, по лбу, по щекам и под дых. Какое послушание, кому?! Родителям? Участковому милиционеру? Инспектору по делам несовершеннолетних? Парадокс: как бы ни страдали от пьянства родителей их дети, какой-то неумолимый рок под условным названием «следствие родительских грехов» почти непременно приведет большинство этих еще таких милых созданий к гибели все от той же водки, которая начнется пивком. «Кто пойдет за “Клинским”?» Да сегодня только ленивый за «Клинским» не побежит...

Я смотрел на ребятню и понимал, что они обречены. Уже

через несколько лет первые из этих мальчишек и девчонок будут смертельно ужалены зеленым змием, а годам к сорока – сорока пяти, пожалуй, падут и остальные.

Глядя на них, я задавался вопросом: а у нас, у народа-то нашего, есть оно, это самое будущее? Сколько нам еще осталось? Так что ты неправильно ведешь себя, собака. Ты не должна таскать бутылки, ищи лучше косточки, на худой конец – оберточную бумажку, пропитавшуюся вкусным жиром. Не надо бутылок, собака, не становись на этот скользкий путь. Ты же не сапиенс, ты по-настоящему разумная скотинка, так пусть хоть твои щенки останутся жить на этой земле!

Когда я рассказал своему хорошему знакомому о той встрече с собакой, он шутливо предположил:

– А может, она бутылки собирает, а потом их сдает? Ты бы ее, батюшка, расспросил!

Мы посмеялись:

– Наверняка сдает!

Впрочем, время сейчас непредсказуемое. Всего можно ожидать, даже от собак. Может, и действительно сдает. Любопытно, почему принимают? Ладно, в следующий раз встречу, обязательно поинтересуюсь...

Мои университеты

В самом начале 1990-х годов я поступил работать на железную дорогу. Семью нужно было кормить, а платили там неплохо и всегда вовремя. Трудился простым рабочим и прошел хорошую школу смирения, которая длилась для меня целых десять лет. Работая среди самого простого народа, а иногда и вместе с бывшими уголовниками, я понял, что они, в подавляющем большинстве своем – люди хорошие и даже очень хорошие, только, к сожалению, не всегда задумываются над тем, что такое хорошо и что такое плохо. Ну, не привили им в свое время такую привычку, что уж тут поделаешь? Иногда казалось, что, по их мнению, хорошо все то, за что впоследствии не накажут рублем или сроком. Поскольку работать на «железку» я попал в годы начала всеобщего распада, то дисциплины там уже тогда почти не было, а потом началось такое!..

В то время врачи не проверяли рабочих перед сменой и народ пил. Алкоголь следовал через нашу станцию в многочисленных цистернах. Спирт и вино лились рекой. В будке обогрева стояло ведро, только не с водой, как на сенокосе, а с дешевым портвейном. Любой входивший мог зачерпнуть кружечку и, как говаривали у нас, «причаститься красненьким». В результате таких систематических «причастий» с моими товарищами стали происходить печальные метаморфозы. И я бы даже сказал, беснования...

Как-то мы работали ночью. Меня вызвали в чужую смену

и откомандировали в помощь на один из участков. В перерыве сижу на скамейке в углу просторного помещения. Вокруг по стенкам тоже расположились рабочие, отдыхают, покуривают. Мы все что-нибудь читали: кто книжки, кто газеты, ну а я, как правило, Новый Завет. У меня было карманное издание, которое удобно носить с собой.

Заходит в помещение охранник. Он должен был принять ценный груз и ожидал соответствующей команды. Человек был изрядно под хмельком, и пил он, чувствуется, уже не первый день. Изю всех, находившихся в комнате, он почему-то выбрал меня и спросил:

– Ты чего там читаешь?

Я ответил. Охранник заинтересовался:

– Это что, книжка про евреев?

Говорю:

– В принципе да... Хотя я никогда не рассматривал Новый Завет под таким углом зрения.

Помолчав, он с подозрением посмотрел на меня и вновь осведомился:

– А ты сам-то небось тоже еврей?

Я засмеялся:

– Нет, не еврей.

Охранник не понимает:

– А я думаю, еврей!

Это препирательство продолжалось довольно долго. Чувствую, не угомонится человек, надоел и читать мешает. Го-

ворю ему:

– Ну ладно, пусть будет по-твоему. Еврей я, только отстань.

– Ах, так ты все-таки еврей?! – возмутился охранник и достал револьвер.

Наша охрана ходила тогда с оружием времен Гражданской войны. Мы еще подшучивали над ними: «Вы у нас – красные стрелки, орлы революции!» Так вот этот «орел» дрожащей рукой и выстрелил мне в лицо, не целясь, с расстояния двух метров. Выстрелил, тут же протрезвел и не на шутку испугался.

Сидевшие рядом ребята вскочили, подлетели к охраннику, отобрали револьвер и принялись его бить. Били страшно. Потом появилось непосредственное начальство стрелка, и избиение продолжилось с новой силой. Я отказался писать заявление: пусть сам своих детей кормит! Достали пулю из стенки, уволили «юдофоба» по собственному желанию и забыли об этом происшествии. Не знаю почему, но когда охранник стрелял, я не испытывал страха.

Всегда удивляюсь, как могут люди столько пить? Кажется, выпей бы я столько – не откачают. А здесь – каждый Божий день...

В дневную смену сижу за столом, пишу контрольную по Новому Завету. Я тогда в Свято-Тихоновском институте учился. Передо мной лежит раскрытое Евангелие, и я переписываю из него в тетрадку какие-то стихи, проговаривая

их вслух, чтобы не наделать ошибок. Напротив меня спит, уронив голову на стол, мой пьяный товарищ. Все спокойно, мирно... Внезапно он вскакивает, хватается нож и бьет меня им сверху вниз. Реакция у меня неплохая, поэтому мне удалось выбить у него нож и свалить дебошира на пол. Собираюсь уже связывать, но пригляделся, и что вы думаете? Лежит мой товарищ на полу и спит сном младенца! Я посмеялся и продолжил писать. Ножик я спрятал, а перед следующей сменой, смотрю, он все что-то ищет. Спрашиваю его:

– Потерял что-нибудь?

– Нож свой, – бурчит, – никак не найду.

Отдал ему нож и рассказал о том, при каких обстоятельствах он его «потерял». Понятное дело, он ничего не помнил...

Удивительный человек, ему постоянно везло! Он должен был погибнуть по меньшей мере раз двадцать, но всегда умудрялся выходить сухим из воды, выкарабкиваться даже из самых немыслимых, казалось бы, ситуаций.

Поразила меня однажды и неожиданная реакция другого моего товарища на молитву. Если человек просто спит, то, даже услышав ее, он либо никак не реагирует, либо спит еще спокойнее и дышит ровнее. Помню, ночь, все дремлют. Моя очередь дежурить. Я жду вагоны, чтобы начать сортировать их по разным направлениям для дальнейшего следования. Сажу на стуле и повторяю про себя Иисусову молитву. Вдруг один из моих товарищей вскакивает с лежака, хватается меня

за грудки и замахивается своим неправдоподобно большим кулаком. Смотрю ему в глаза, а они белые, в них ничего нет. Вообще-то он смотрит даже не на меня, а куда-то поверх моей головы и каким-то утробным голосом хрипит: «Убью!»

Сложность моего положения заключалась в том, что рукой он захватил не только мою телогрейку, но и меня ухватил за бороду, полностью сковав мои движения. Мне оставалось только молиться. Его захват постепенно ослабевал, потом он что-то запричитал, заплакал и вновь улегся на место. Понятное дело, этот мой товарищ пил уже долгое время. После этого инцидента я решил отказаться от длинной бороды.

А вот случай, заставивший меня по-настоящему испугаться. Среди нас был рабочий, которого звали Сергеем. Душа у него была добрая и отзывчивая, но, как многие наши мужички, любил он выпить. Как обычно пьют русские люди? До тех пор, пока деньги не закончатся или все вино не будет выпито. С деньгами дела у нас обстояли по-разному, зато уж вино никогда не переводилось. Вот и в тот раз рабочий день закончился, а вино – нет. Сергей остался и пил еще сутки. Потом он наконец вышел из будки обогрева и решил проползти под составом. Тот тронулся, а пьяный рабочий не успел среагировать, попал под колеса, и ему отрезало ногу по самое бедро.

Вызвали «скорую», а ребята бегом несли его навстречу машине. Никто не смог оказать ему вовремя помощь, и Сережа умер. В тот день, а дело было в январе, я работал на

этом же участке, но свидетелем самой беды не стал, оказавшись на месте трагедии только часа через два.

Дверь, ведущая в небольшой домик, предназначенный для приема пищи и обогрева рабочих, была распахнута, в будке никого не было. На скамейке еще лежали Сережины вещи. Я зашел, закрыл дверь и включил отопление. Дверь изнутри была покрыта фанерой и окрашена в ярко-голубой цвет. Становилось тепло. Смотрю на дверь и вижу, как на ней медленно появляется красная капля, которая, увеличиваясь на глазах, постепенно начинает стекать вниз. Вскоре проступили еще с десятков капель. Я понял, что это – кровь. Через несколько минут почти вся дверь покрылась потеками крови, которые, достигая пола, собирались в лужицу. Мне стало жутко.

Я пулей вылетел из будки и закричал товарищу, чтобы тот подошел. Посмотрев на дверь, он вначале тоже отпрянул, но потом, сообразив, с облегчением сказал: «На этой двери Сережу несли, вот она кровью и напиталась. Потом ее снегом оттерли и снова навесили».

Кровь замерзла, а когда я включил обогреватель, она оттаяла и потекла.

Хотя я и не видел Сережиной гибели, но косвенно, посредством этой двери, тоже сделался участником драмы. Я тогда отмывал кровь с пола, чтобы по ней никто не топтался, и еще не знал о том, что Сережина смерть станет лишь первой в долгой череде бессмысленных пьяных трагедий, про-

изошедших в тот год с моими товарищами. Но об этом я писать не хочу...

Интересный вопрос

Меня всегда занимало отношение пьяных людей к священнику. Спросите, почему? Да потому, что один и тот же человек в зависимости от своего состояния может относиться к тебе совершенно по-разному. Ты знаешь его в лицо, здороваешься с ним кивком, и так годами, безо всякого развития отношений. И вдруг встречаешь его же, только перебравшего. Человек в таком состоянии раскрепощается, оставляет какие-то условности, заставляющие его ограничиваться кивками при встречах. У него появляется острая необходимость рассказать тебе, словно другу, обо всех своих бедах, проблемах и даже просто о том, что ему плохо.

А многим из нас и вправду очень плохо. Когда человек трезв, ему не легче, но тогда он об этом кричать не может – стыдно. Мы – люди гордые и потому одинокие. Мы разучились любить, даже если когда-то и умели. Мир, который мы для себя создали и в котором пытаемся выживать, это мир греха. Он не рассчитан на сентиментальных людей.

После вечерней службы сидим пьем чай в трапезной, согреваясь после купания в ледяной крещенской воде. Один из наших московских знакомых – удачливый бизнесмен – вдруг говорит:

– А я вот только вас одних и люблю, а всех остальных просто ненавижу!..

И в этой ненависти он не одинок. Ненависть как зараза поражает сегодня души людей. Особенно это заметно у де-

тей – они гораздо непосредственнее выражают свои эмоции. Причем нередко родители сами задают им такие установки.

Несколько лет тому назад мы пытались ввести в первых классах нашей общеобразовательной школы предмет «Основы нравственности». Поскольку планировалось факультативное преподавание, обратились к родителям за согласием. Так вот, суть по меньшей мере трети ответов сводилась к одному: «Наше время – время волков, а вы хотите нашим деткам, которым придется жить в стае, притупить клыки. Не позволим! Наш девиз – “выживает сильнейший”!»

Процентов сорок ответили: «А нам все равно. Хотите – преподавайте, хотите – нет». То есть им безразлично, какими вырастут их дети. И лишь четвертая часть родителей думают не столько об остроте клыков своих чад, сколько о чистоте их душ и сердец. Только на этих детишек мы и можем рассчитывать в будущем. Завтра им придется сражаться с волками, а, значит, уже сегодня мы должны их к этому подготовить, иначе всем нам вскоре придется или бежать в серой стае, или лежать с перерезанным горлом.

Когда говоришь с пьяненьким, он, как правило, плачет, хочет покаяться, просит отпустить грехи, обещает завтра же непременно быть в храме, всю жизнь начать с чистого листа. Но я-то знаю, что ни завтра, ни послезавтра в церковь он не придет. Еще не известно, кивнет ли он мне при встрече протрезвевшей головой. Ему будет мучительно стыдно за проявление минутной слабости. Потому и бежит батюшка от

всех этих слезливо-сопливых словоизлияний, предупреждая завтрашние угрюмые взгляды своих знакомцев. Таково отношение к священнику обычного выпившего человека, так сказать, рядового гражданина.

Записные выпивохи, как правило, встречают батюшку бурным восторгом. Если в компании есть женщина, то обычно она стыдливо отворачивается или прикрывает лицо ладошкой. Женщины, даже опустившиеся, все-таки помнят о том, что они – женщины. Перед священником им как-то неудобно. Кстати, выпившие женщины никогда не станут разговаривать с ним о личном.

Эти люди начинают истово креститься на батюшку, как на ожившую икону, оставляют свою трапезу, подбегают, экзальтированно целуют руки, просят благословения. При этом не помню, чтобы кто-нибудь из них в такие моменты попрошайничал. Но вот что я заметил: как бы они ни выражали свою радость от встречи со священником, в какие бы разговоры ни вступали, никто из них никогда не предлагал мне вместе с ними выпить.

Не думаю, чтобы им было жалко выпивки, ведь я же их порой спасаю. Приходят ко мне бедолаги, когда стоит вопрос жизни или смерти. Наливаю – не часто, правда, баловать их нельзя, а спасать нужно. Да и сами они не частят, понимают, приходят, лишь когда действительно «край». Вот и думаю, ну я же наливал тебе, ты по всем законам твоей общинной логики тоже должен мне предложить, хотя бы из уважения.

Они же умные и все понимают. Понимают, что и пить я с ними не буду, – так хоть вежливость прояви! И вот однажды неожиданно получил ответ на свое недоумение.

Однажды вечером пришлось совершать требу на дому. Освящал чье-то жилище. И вот, выхожу из подъезда, в одной руке у меня – саквояж, в другой – кадило. Очищать кадило от сгоревшего ладана необходимо только на улице. Нельзя выбрасывать его содержимое в канализацию или в мусорное ведро. Вижу, что на скамейке, на которую я рассчитывал поставить свой саквояж, уже «набросана», как говорит наша староста, нехитрая закуска, расставлены бутылки и одноразовые стаканчики.

Мужички, увидев меня, смекнули, что мне нужно, и тут же потеснились, освободив половину лавки. Я поблагодарил их и стал укладывать свои вещи. Один из выпивающих принялся извиняться передо мной, что вот, мол, они здесь распивают, мешают мне... Затем в разговор вступил его собутыльник, и вот уже они оба говорили, что живут, конечно, грешно, но без бутылки на этом свете – совсем тоскливо.

Искренний тон моих новых знакомых подкупил меня. Я ответил, что и сам – человек грешный и ни в коем случае не осуждаю их. Мои собеседники поняли мои слова буквально, применив их к конкретной ситуации. Они сразу же прекратили жаловаться на жизнь и на свое беспробудное пьянство.

– Нет, батюшка! – заявили они мне. – Это мы грешники и алкаши, а ты святой и должен оставаться святым. Так что

завязывай ты с этим делом...

Тогда-то я и понял, почему мои знакомые пьянчужки никогда не предлагали мне выпить. В их глазах священник – это ниточка, связующая их с тем особым миром надежды, где живет правда, где действительно никто никого не обижает, где царит любовь. И он непременно существует где-то там, тот таинственный град Китеж – город-сказка, город-мечта, где эти надорванные алкоголем души вместо презрения и побоев обретут мир и покой. Конечно, они недостойны его, но все же... Если священник станет пить вместе с ними, то он принадлежит к тому же миру, что и они. И их мечты, которые они, может быть, никогда и не сформулируют, но обязательно таят в себе, окажутся лишь зыбким фантомом, как и тот мир, в котором они обитают и прячутся от жестокой реальности.

Может быть, и народ наш, который мы считаем неверующим и частенько осуждаем, терпит нас, священников, закрывает глаза на наши грехи, прощает нас и кормит на свои трудовые копейки, чтобы дожидаться наконец из нашей среды настоящего человека – такого, как преподобный Серафимушка или отец Иоанн Кронштадтский, в котором проявится и отразится Небо. Чтобы побежать к нему и припасть к этому реальному свидетельству святости, порадоваться рядом с ним, уподобившись детям в ликующей надежде на то, что Небо, несмотря на всю нашу нечистоту, примет нас, потому что Оно есть и способно любить и прощать.

Плачущий ангел

Отмечали шестидесятипятилетие снятия блокады Ленинграда. Дата значительная, даже президент приезжал. Собрали блокадников – тех, кто еще был в силах прийти, концерт для них устроили. Попытались до всей страны донести боль тех дней, да кто услышит? Разве можно понять блокадников, слушая по телевизору дневник голодной девочки, и при этом плотно ужинать? Да не поймем мы их, пока не испытаем все на собственной шкуре. Как известно, сытый голодного не разумеет...

Иду по поселку. Дорогу пересекает молодая женщина, идет выбрасывать мусор. В руке прозрачный пакет, а в нем – батон белого хлеба. Хорошо живем, и слава Богу, что хорошо...

Мой отец в семилетнем возрасте пережил голодомор на Украине в тридцать третьем. Дед крестьянствовал, мудрый был человек, молился постоянно. Может, Господь ему и подсказал зарыть весь хлеб в огороде. Закапывали с бабушкой ночью, без детей, чтобы никто не проговорился. Когда пришли те, кто унес всю пищу из дома, то в печи в казане каша стояла. А как уходили, так эту кашу один из них на пол выплеснул, а потом на нее сапогом наступил. Зачем?..

Сейчас там во всем москалей винят. Но грабили-то, в основном, свои же сельчане и брали не только еду, но и вещи – все, что приглянется. С папы моего, семилетнего ребенка, безрукавку сняли. Только ведь Бог поругаем не бывает! Хоть

и лебеду, и кору ели, но всей семьей выжили, а из грабителей и их детей никого не осталось. Папа не любит об этом вспоминать. Как-то на мои настойчивые расспросы ответил:

– Тогда многие поумирали. Утром встанешь, выбежишь на улицу, а на дороге – трупы лежат. Через наше село много людей шло в город, надеялись там спастись. Как-то раз утром проснулись, а у нас сквозь штакетник рука торчит, как будто просит что-то, а человек уже мертвый. Людей ели. Не хочу помнить об этом...

Но нельзя лишить памяти голодавшую плоть, эта память навсегда укореняется в подсознании и становится частью души. Еще мальчишкой я замечал, что папа всегда предлагал гостям покушать, кто бы ни пришел к нам в дом.

Как-то в одной деревне купили мы четверть свиной туши, – тогда с мясом трудно было. Набили морозилку, что-то засолили, а какую-то часть нужно было использовать немедленно. Мама тогда нажарила целое ведро котлет. Долго мы их ели, я уже смотреть на них не мог. Говорю маме:

– Не хочу я их есть, надоели мне эти котлеты!

Папа услышал мои слова и повторил фразу. Не передразнил меня, а именно повторил, для того, наверное, чтобы лучше понять. И выговорил задумчиво:

– Надо же, котлеты могут надоесть...

Много лет моей помощницей в алтаре была бабушка Прасковья. Редко мне приходилось встречать людей такой кротости и смирения. Из церкви не выходила. Молилась Бо-

гу – как с другом разговаривала, и Он ее слышал. Помню, пришло время, и отказали ей ноги. Просит: «Господи, как же мне без храма? Помоги». Помолилась, встала и пошла в храм.

Затем последовала новая напасть – бабушка ослепла. «Господи, как же мне батюшке помогать без глаз? Верни мне глазки». И зрение вернулось. Носила очки с мощными линзами, но видела и даже Псалтырь могла читать. Я называл ее «мой добрый ангел, моя палочка-выручалочка». До последнего времени, до тех пор, пока окончательно не слегла, пекла просфоры. Когда уж совсем не смогла трудиться, сидела в просфорной и, пока другие работали, молилась.

К переходу в лучший мир Прасковьюшка отнеслась спокойно и ответственно. Исповедовалась несколько раз, всю свою жизнь как тесто пальчиками перетерла. Но замечаю, что что-то гнетет мою помощницу. Спрашиваю ее, а она и отвечает:

– Грех у меня есть, батюшка, страшный грех моей юности! Плачу о нем непрестанно и боюсь, что Господь меня такую не допустит к Себе.

Все мы помним грехи своей юности, помоги нам Господи! Но чтобы такой церковный, молящийся человек, как моя алтарница, до сих пор носил его в себе?

– Неужто не каялась, Прасковьюшка?

– Каялась, да все он мне о себе напоминает, так перед глазами и стоит.

– Тогда вновь покайся, чтобы душа у тебя не болела.

Прасковья заготовила листок бумаги с одной фразой, начарапанной крупными, неровными буквами: «Я кусячница шпекулярка». Видать, язык у нее от стыда не поворачивался произнести написанное вслух.

– Это на каком же языке написано, друг мой? – спросил я ее.

Забыл сказать о том, что бабушка изъяснялась на своеобразном деревенском наречии. В войну они жили неподалеку от Муром, видимо, там так и говорили. Ее речь изобиловала подобными словечками. Меня ее говорки порой забавлял, но чаще умилял. Все хотел записывать за ней, да так и не собрался...

Прасковьюшка расплакалась и призналась в самом страшном своем грехе. В годы войны, когда отца забрали на фронт, в семье остались пятеро детей, из которых она оказалась старшей. Вот тогда и узнали, что такое голод. Жесточайшей экономией им удалось наскрести денег и купить на рынке буханку хлеба. Дрожащими руками голодный двенадцатилетний ребенок разрезал хлеб на десять кусков и отправился продавать его на станцию – солдатам из воинских эшелонов, которые шли на фронт. На вырученные деньги она уже могла купить больше хлеба: часть – домой, а другую буханку – вновь на продажу. По нашим-то временам какой же это грех? Нормальный бизнес. «Они же, солдатики молоденькие, сами голодные, на фронт умирать ехали, а я на них шпекуляри-

ла!» И плачет, плачет старый человек по-детски горько, размазывая по щекам слезы кулачками...

Как нам понять этих стариков, вынесших столько страданий и при этом сумевших сохранить кристальную нравственную чистоту? Как же вышло так, что вырастили они нас – сытых и равнодушных? А мы все смотрим на них, штурмующих почту в очереди за нищенской пенсией или часами просяживающих в больнице в надежде на бесплатный прием, и кроме раздражения ничего к ним не испытываем...

Пришел однажды старенькую бабушку причастить. Прощаюсь уже, а она и говорит мне:

– Жалко сейчас помирать. Жить-то как хорошо стали – как в обед за стол садимся, так целую буханку хлеба кладем!

«Целая буханка» для старушки, пережившей голод, – критерий счастливой жизни...

Нет, что бы там телевизионщики ни твердили, а кризисы нам нужны, ох как нужны! Хотя бы иногда. Ведь «кризис», по-гречески означает «суд», а мы еще добавим от себя: «Божий суд». Бич Божий, разящий наши ледяные сердца. Может, хоть так – через желудок, пусть понемногу, но будем мы обретать потерянный нами Образ. Научимся смотреть друг на друга и видеть в другом – человека, а может, вдруг и сочувствовать ему начнем? А то ведь все обо всем забыли...

Смотрю на молодую женщину, что несет хлеб на помойку, а вижу не ее, а моего кроткого и смиренного ангела, плачущего невидящими глазами в очках с толстенными стеклами,

с его такими сегодня смешными и неуместными «кусячила»
и «шпекулярила»...

Старики и мы

В пятницу соборовал и причащал старенькую-престаренькую бабушку. Ей уже за девяносто, ходить – не ходит, но сердце – крепкое, и кушает хорошо. Возрастные болезни подступили уже давно, – мучается человек и все никак не помирает. И сама страдает, и дочь устала.

Бабушка эта была нашей старейшей прихожанкой, поэтому все священнодействия я совершал с особым чувством. Кто знает, может, я ее в последний раз причащаю? Прощаясь, ее дочь говорит:

– Спасибо тебе, батюшка! Ты так хорошо все сделал, теперь-то уж она точно умрет.

Совсем телевизор народ испортил: уже и священника в киллеры записали... Не понимают, что соборuem мы людей не для того, чтобы они умирали, а чтобы исцелялись душевно и поправлялись телесно. Нет в последовании таинства соборования, или елеосвящения, ни одного слова о смерти. Не верят: давай, батюшка, «мочи» бабушку!

Старость и болезни – причины страданий. Действительно, долгая жизнь – это благословение или проклятие? Вопрос о страданиях – краеугольный вопрос нашего бытия. Даже не знаешь, кому порой приходится тяжелее – тем, кто мучается и умирает, или тем, кто находится рядом с умирающими.

Сегодня мы все чаще и чаще слышим об эвтаназии. На самом деле она у нас давно уже действует, только нелегально. Как удобно: укольчик бабушке сделали, и нет проблем!

Помолились, конечно, поплакали, как положено, а все ж как удобно! Ты не видишь страданий близкого человека, не чувствуешь его боли, тебе не нужно сопереживать. И с практической стороны – несомненная выгода: высвобождается жилплощадь для внуков – раз; не нужна сиделка – два; ты свободен и волен планировать свое время... А государству какая польза! Нет нужды платить пенсии старикам и инвалидам, выделять бесплатные лекарства, предоставлять скидки и льготы. А о домах престарелых забыли? Сплошная экономия! Все чаще и чаще по телевизору ведется непрямая, но последовательная агитация за введение у нас эвтаназии. Увы, общество стареет и другого выхода не видит. Скоро на каждого работающего будет приходиться по пенсионеру.

Но у этой проблемы есть здесь и другая сторона. Вот у дочери нашей старосты парализовало свекра. У них самих – «двушка», причем одна комнатка – проходная, сами живут, да еще двое детей. Если брать деда, то куда девать шкаф, стол? Советуется с матерью, вот, мол, его дочь отказалась, и нам тоже девать некуда. Мать отвечает, ничего, мол, на кухне устройтесь, а деда берите! Послушались, взяли. Больше всех дедушке обрадовался его внук, Санька. Он не отходил от старика, рассказывал ему новости, читал сказки, рядом с дедом даже уроки делал. Короче говоря, тому деваться было некуда, быстренько поправился и бегом домой. «А вот теперь, дочка, – говорит мама, – твои дети точно знают, как поступать с вами в такой же ситуации. Не оставят умирать»

в больнице на чужих руках». Так вырабатывается поведенческий алгоритм или условный рефлекс, или по-простому, воспитывается человечность.

Однажды женщина плакала в храме: мать ее уже совсем из ума выжила, под себя ходит, а потом на стене рисует, как ребенок.

– Устала, – говорит, – от нее, довела меня до белого каления! И уж не знаю, как это у меня вышло, но ударила я ее, батюшка, а в ту же ночь она у меня умерла. Как будто специально все было подстроено!

Не хочу никого осуждать: ухаживать за больными родственниками – это тяжкий крест. И в то же время все, что Господь нам ни посылает, Он посылает для нашей же пользы. Ведь нам надо так жизнь прожить, чтобы в конце концов сделаться настоящим человеком. Это непросто. Вот кается человек перед смертью, плачет, говорит, что сожалеет о грехах прошлого, но этого мало. Чтобы быть сродным Небу, нужно еще и опыт небесной жизни иметь. Разве станешь человеком, не преодолев в себе грех, разве научишься чему-либо без многих трудов? Подвиг нужен. Рай и ад начинаются на земле. Личность не формируется вне отношений с Богом.

Ухаживая за старыми и немощными, мы сами прежде всего становимся сильными, терпеливыми, милосердными, самоотверженными. А если начнем подрезать стариков и больных, то и не заметим, как все это душегубство на поток поставим. В кого же мы тогда превратимся? Посмотрите, ре-

клама в нас вдалбливает: живи для удовольствия. А что, разве жизнь – сплошное удовольствие и цель жизни состоит исключительно в достижении кайфа? Тогда воплощение такой «жизни» – наркоман с глазами без зрачков.

Жизнь – вещь крайне жесткая. Из нее все больше уходят чувства, способность сопереживать, готовность жертвовать чем-то значительным ради других. Христианство и поиск удовольствий – понятия несовместимые. Мы привыкли к удобствам. Мне кажется, когда придет антихрист, ему будет достаточно отключить в домах свет и воду, и мы сами на коленях к нему поползем.

Посмотрите на логику развития событий. В течение последней сотни лет нас методично подводят под какой-то усредненный знаменатель, пытаются втиснуть в прокрустово ложе одинаковости. Личность как таковая становится нежелательна, сегодня царит торжество середнячков. Общество рационализируется и подчиняется законам конвейера. Все детали должны устанавливаться строго на свои позиции, любое отклонение от усредненного – брак. Не общество, а работающий механизм, изношенные компоненты которого утилизируют, потому что они сами по себе – ничто.

Вспомните, до революции существовали разные сословия, представители которых весьма отличались от людей из иного круга. Перейти из одного состояния в другое было непросто. В первые десятилетия советской власти еще можно было узнать в толпе учителя или врача, по молодцеватой

выправке определить военного человека. Сегодня невозможно понять, кто есть кто. Мы отличаемся друг от друга лишь стоимостью одежды и престижностью автомобилей, вот и ломай голову, кто перед тобой – успешный предприниматель или бандит, нищий или педагог. Серая ограниченная масса, отсутствие ярких индивидуальностей... Думаю, в этом состоит одна из причин, почему наш владыка требует от нас, своих священников, отличаться внешним видом, чтобы мы были узнаваемы.

Пришел к одной женщине. Ее старенькая мама уже совсем впала в детство, десять месяцев лежала и ходила под себя. Все это время дочь каждый день после работы бежала к матери, убирала, стирала, кормила, подмывала, а потом домой – там же осталась семья! И так – все десять месяцев, без выходящих. Я задал ей провокационный вопрос:

– А почему бы тебе не сдать мать в дом престарелых? Сдашь – и никаких забот.

– Что вы говорите, батюшка?! Это же моя мать! Столько времени она за мной ходила, как же я ее сейчас предам?

Пишу и вспоминаю усталые глаза женщины и натруженные руки с набухшими узелками вен. Время прошло, но до сих пор у меня не исчезает возникшее тогда желание поклониться ей и поцеловать эти руки.

Большой Гена

Было это году в 2001-м. Помню, в храм пришел сухощавый высокий старик. Появился в воскресенье – в день для нас самый напряженный. По воскресеньям мы и служим по полдня, и многие специально приходят пообщаться со священником. У всех проблемы, вопросы... Пришел он без всяких предварительных договоренностей и попросил его окрестить. Говорю ему:

– Отец, может, в другой день встретимся?

А он:

– Нет, батюшка, крести сейчас! Я так долго собирался с духом, что боюсь, этого духа мне на большее и не хватит.

Для того чтобы крестить Большого Гену (позже мне стало известно это его прозвище), нужно было затратить не меньше сорока минут. Значит, кому-то придется ждать. Гена относился к тем людям, которые, крестившись, больше в церковь не приходят. Вроде и крестить его без дальнейшего продолжения не имело смысла, но и возраст Гены внушал уважение. Не окрещу его сейчас, а потом, глядишь, он и вообще не придет, так и помрет некрещеным. Я же потом места себе не найду, совесть замучает. Это же не игрушка – душа человеческая, с меня же за нее потом спросят!

Пришлось мне крестить Большого Гену в тот воскресный день, хотя сердце мое и не было к этому расположено. И вот, когда уже завершал таинство, я бросил взгляд на Гену, а он надевает на себя новенькую белую маечку и крестик к гру-

ди прижимает. Потом, смотря, жена подходит и подает ему свежую белую рубашку. Только тогда я поверил Гене. Понял, что его поход в церковь действительно потребовал от него значительного усилия. Он по-своему готовился к нему и крещение принял трепетно и как-то по-детски торжественно. Его встреча с Богом состоялась. Никогда больше я не видел, чтобы взрослый человек себе крестильную рубашку готовил или из темной одежды переодевался в белую. Белый цвет – символ душевной чистоты, наступающей после таинства, и Гена это понимал каким-то наитием. Недооценил я его порыв... Мне стало стыдно, что с самого начала отнесся невнимательно к этой душе. Мы потом с ним еще говорили, я рассказал ему, как надо молиться, приглашал приходить на литургию, но, как и предполагал, в храме его больше не видел. Не думаю, чтобы он ездил в какое-то другое место. Я понемногу уже стал забывать о Большом Гене, как вдруг он вновь напомнил о себе.

Мы тогда Великим постом четыре года подряд ходили по квартирам в поселке и собирали пожертвования. Во-первых, нужно было восстанавливать храм, приводить его в божеский вид, а во-вторых, и в этом состояла на самом деле главная цель наших походов – постучать в каждую дверь и сказать: «Посмотри, вон там, на горе, – храм. Подними глаза, задумайся о вечности и приходи!»

Перед тем как отправлять сборщиков по квартирам, мы их долго готовили, специально отбирая людей постарше, – к

ним больше уважения.

Молились о них и с ними. В каждый дом ходили только те, кто в нем и жил. Жители должны были знать церковных ходяков в лицо. Ходили по двое, как в Евангелии. Независимо от размера пожертвования, сборщики переписывали имена всех крещеных жильцов, а потом священник поминал этих людей на проскомидии. Четыре года мы поминали поименно почти всех жителей поселка. Денег, правда, собрали немного, но зато достучались до каждой семьи, а уж решать каждый должен сам. По сотне душ каждый год отпеваем. За четыре года – это четыреста человек. Может, кто-нибудь из них и услышал...

Чего только не испытали на себе наши апостолы! И прогоняли их, и оскорбляли. Не понимаю я: ну не хочешь ты жертвовать, так закрой тихонько дверь или дай десять копеек, но зачем же обижать пожилых людей, с которыми живешь в одном дворе? Как потом в глаза им смотреть будешь? А кричать зачем? Наверно, чтобы уверить себя в собственной правоте.

Возвращается к тебе такой сборщик и говорит со слезами:
– Батюшка, уволь, не могу больше! Сил нет все это выслушивать!

А на другой день подойдет и вновь просит благословения продолжать:

– Кто им еще о Боге скажет? Иеговисты? Да и не все нас обижают, далеко не все! Многие благодарят, что пришли, чаем угощают. Дальше пойдем...

Смотришь на ведомости пожертвований и удивляешься: самыми скаредными оказываются люди по-настоящему зажиточные. Жертвовали они в основном рублей по десять, редко кто давал двадцать. Бедняки – сердечнее. Самый богатый человек в поселке в первый же год вышел из квартиры, развернул моих апостолов лицом к лестничному пролету и предупредил:

– Придете еще хоть раз, скину вниз головой!

Может, потому он и такой богатый? Хотя, наверное, я впадаю в осуждение. К людям состоятельным и без нас много

просителей приходят, надоели...

Но возвращаюсь к Большому Гене. В его дом пришли мои проповедники. Гена открыл им дверь, обрадовался и пригласил войти. Он был один, хозяйка ушла на весь день. На просьбу сборщиков отреагировал без колебаний. Достал заветные десять рублей и сказал:

– Мне жена на пиво выдает по десятке на два дня, остальные прячет. Так что это – все, что у меня есть. Можно я их отдам?

Рассказывают: отдал и так обрадовался, что даже проследил. В ту же ночь Большой Гена умер. Он ничем не болел и умирать не собирался, но, видимо, Господь на самом деле забирает человека в самый подходящий момент. На максимуме каком-то, что ли. На максимуме добра или зла. И у каждого этот максимум – свой. Для Большого Гены в его отношениях с Богом в тот день, наверное, наступил момент истины. Он, как та вдовица, отдал свои «две лепты» – все, что имел, и его заметили.

Много воды утекло с тех пор. Многие люди, кому мы бесконечно благодарны и на чьи пожертвования восстал наш красавец храм, жертвовали с радостью, но больше, чем Гена, так никто в кружку и не положил.

Царство ему Небесное. Я очень хочу в это верить!

Работведение

Вы, наверно, думаете, что я сделал ошибку в заглавии и должен был написать что-нибудь вроде «рыбоведения» или «расоведения». Нет, рабоведение – это новая сфера знаний, наука о рабах (нужно будет термин запатентовать!).

Время, говорят, по спирали движется, вот мы и приехали. Вам приходилось покупать человека, как вещь? А вот мне пришлось... Несколько лет тому назад покупал человека за наличный расчет. Так что – небольшой опыт для будущего учебника.

Сегодня вспоминаю об этом случае как о курьезе, а тогда мне было совсем не до смеха! Думаю, ни один храм в провинции, да и в столицах, пожалуй, наверняка не обошелся в своей новейшей истории без мозолистых рук наших братьев-мусульман, выходцев из Средней Азии. Когда у нас в России появилась необходимость строить, то оказалось, что в бывших союзных республиках только и делали, что готовили специалистов для наших строительных объектов. Поток азиатов пошел лавиной, они были дешевы и востребованы.

Пару сезонов потрудились узбеки и на возведении нашего храма. Они нас тогда здорово выручили! С одним из них, бригадиром строителей по имени Файзула, мы даже подружились. Файзула – человек грамотный, с высшим образованием, учился в Москве. Безусловно, интеллигент, и по своему внутреннему устройению человек порядочнейший. У него – пятеро детей. Четверым он уже дал высшее образование,

девочек выдал замуж, младшенького, самого любимого, готовит для учебы в медресе (исламском религиозном учебном заведении). Постится, задавал много вопросов о христианстве, рассказывал о своей вере.

Остальные ребятки-строители – молодежь. Такие же, как и наши, – смешливые и глупые. Не многие могут говорить по-русски. В этом и состояла главная сложность. Договариваться приходилось через бригадира, с ним же и работу принимали. Кто-то работал очень хорошо, кто-то пытался филонить, но это уже была не моя проблема. Заработанные деньги распределял бригадир, и дисциплина у них была – как у американцев в Гуантанамо. Штрафовал беспощадно, невзирая на то что молодежь эта по большей части приходилась ему родственниками. Ни капли спиртного и никаких других нарушений, к нашему удовольствию, в бригаде мы не замечали. Отбой – в десять часов вечера, подъем – в шесть утра. Файзула говорил:

– Не будет дисциплины, я этот молодняк в течение рабочего сезона в узде не продержу, а мне их еще и родителям вернуть нужно в целостности и сохранности!

Понятное дело, что при таких порядках непременно окажутся недовольные. На следующий год несколько свободолюбивых племянников откололись от дядьки-бригадира. Поехали в Москву самостоятельно, без языка, без денег и без головы. Не знаю, как остальные, но одного из них в Москве на вокзале сцапали сотрудники милиции. Конечно, наша ми-

лиция нас бережет, но эти оказались, как сегодня говорят, «оборотнями в погонах». Из корыстных побуждений они продали мальчишку, который впервые приехал в Москву, привокзальным таксистам, промышляющим работорговлей. Это – уже настоящие бандиты. И у них не ищи сочувствия...

Вообще, вся эта история напоминает мне фильм о маленьких черепашках, которые выводятся из яиц где-то на тихоокеанских островах. Выползая из теплого песка, им чуть ли не сотню метров нужно бежать в сторону моря. Хищники уже собрались и ждут этого часа – здесь и чайки, и вараны, и крабы, а в море – еще и прожорливые рыбы. Так что из тысяч добегают едва ли сотня. Вот и эти работяги приезжали к нам, а на вокзалах их уже ждали – и «оборотни в погонах», и таксисты-бандиты, свои «басмачи».

Мудрый Файзула всегда нанимал милицию в качестве сопровождения, а глупый племянник стал черепашкой, которую и съели. «Кто за тебя может заплатить?» – спрашивают его, а он только глазами хлопает. Судьба тех, кого не перекупят, плачевна. Возможно, сейчас этого уже нет, а тогда можно было и вовсе сгинуть. На счастье, у этого пацаненка, не знаю уж каким образом, оказался номер моего мобильного телефона. Мне звонят и спрашивают, мол, не знаете ли вы такого-то, и называют имя, которое я, и специально выучив, не повторяю. Думал, меня разыгрывают, но потом вдруг прозвучало имя Файзулы и я понял, что кто-то из его сродников попал в плен. Спросил о требуемой сумме, мне ее назвали,

мы поторговались, и я сказал: приезжайте.

Все время, пока я ждал «гостей», мне рисовался ражий детина с бычьей шеей, на которой будет висеть православный крест. Понятное дело, для него крест – только украшение, а для меня-то в нем состоит вся жизнь. Представил, как этот бандит с крестом на шее будет мне, православному попу, продавать мальчишку-мусульманина, и мне стало удушливо стыдно. Что я потом скажу этому узбечонку? Какими экономическими трудностями объясню, почему мы так оскотинились? Этот вопрос был тогда для меня столь труден, что я почувствовал, что меня бьет нервная лихорадка. «А может, он увидит, что я – священник, и ему станет стыдно? – думал я о бандите. – Бывают же такие случаи, наверно? Ведь должна же и у него быть совесть?»

Вот с такими мыслями я и коротал время.

Наконец подъехал черный автомобиль с шашечками на крыше, и из машины вышли мальчик-подросток и здоровенный амбал. Его шея оказалась именно такой, какой я ее себе и представлял. Иду навстречу и вижу, что на толстенной золотой цепи висит... что бы вы думали? Крест? Нет! Полумесяц. Как же я возликовал! Передо мной стоял татарин-мусульманин, который продавал мне узбекского мальчишку-мусульманина. Напряжение сразу же оставило меня, и я готов был даже обнять бандита, так он мне вдруг стал симпатичен.

Таксист с удивлением смотрел на меня. Во-первых, он не ожидал увидеть православного священника, во-вторых, ни-

как не мог понять, отчего я так веселюсь.

– Ты чему радуешься? – хмуро спросил он у меня.

– Я радуюсь тому, что ты – мусульманин, а не православный.

Ему больше ничего не нужно было объяснять. Я смотрел в маленькие черные глазки бандита и видел, как в них закипает ненависть.

– Если бы я знал, что ты поп, – сказал он в сердцах, – никогда бы не приехал к тебе!

Он получил деньги, но взамен потерял все остальное. Я торжествовал: пускай теперь мой вопрос душит его, если, конечно, эту шею можно хоть чем-то пронять.

Я забрал мальчишку и документы. После нескольких часов изматывающего ожидания все разрешилось наилучшим образом. Душа моя пела: «Вот так, ребята-мусульмане! Как вы вас, а? Потому что мы – выше, нравственнее, порядочнее вас!» Но потом вспомнил Файзулу и почувствовал, как моя совесть начинает обличать меня: ведь и он тоже мусульманин! Я представил, что если бы мой родственник или друг попал в беду где-нибудь там, на юге, неужели Файзула отказал бы ему в помощи? Да он бы последнюю рубашку с себя снял...

Дело обстоит куда проще: если ты бандит, или «оборотень», или еще какой-нибудь хищник, то что бы ни украшало твою шею, оно только обличит тебя. Живущий перед лицом Бога – будь он христианином или мусульманином, все-

гда протянет руку помощи тому, кому это необходимо, не опускаясь до религиозных и национальных различий. Вера учит быть человеком и видеть в другом прежде всего человека. И потом, подлинно верующему не нужна никакая благодарность, потому что творить добро для него – так же естественно, как и дышать.

Лучшая песня о любви

*Какая, в сущности, смешная вышла жизнь,
Хотя что может быть красивее,
Чем сидеть на облачке и, свесив ножки вниз,
Друг друга называть по имени.*

Илья Калинин. Лучшая песня о любви

По соседству с нашим храмом уже лет шестьдесят стоит небольшой поселок, состоящий из нескольких дощатых барачков по две или четыре квартиры. Во время войны там располагалась воинская часть, потом военные ушли, а их землянки и бараки остались. В них поселились люди, потерявшие свои жилища. Когда селились, думали, временно, но оказалось – навсегда. Так возник поселок Снегиревка, по фамилии командира стоявшей там прежде части. У этих людей рождались дети, а потом и внуки, и жили они своим маленьким мирком в своем маленьком поселке. Мало кто из них вышел в значительные люди, но и те, уезжая, начинали стесняться прошлого и почти не привозили своих детей и друзей в бараки своего детства. В одном из таких домиков жила молодая красивая женщина по имени Алена. В жилах ее текла кровь южных славян. Как это нередко случается с симпатичными девчонками, не все у нее ладилось в личной жизни. К тому времени ей уже перевалило за тридцать, а изменений к лучшему все не предвиделось.

Алена была женщиной доброй, способной отозваться на чужую беду и прийти на помощь. Однажды летом, уже за полночь, лихой мотоциклист из соседнего городка на большой скорости решил промчаться по Снегиревке, но, не справившись с управлением, вылетел из седла и сильно разбился. Придя в сознание, он еще долго ползал грязный, в крови, с перебитым позвоночником от одного барака к другому, но

никто на его крики и плач не отозвался. Только Алена, находясь дома одна, не побоялась так поздно отворить дверь незнакомому человеку, ответить на его мольбу. Не открой она тогда, мотоциклист вряд ли бы выжил, а сейчас у него уже свои дети подрастают...

И вдруг – любовь. Страстная и взаимная. Она пришла совершенно неожиданно. Свалилась как снег на голову. Такая любовь, о которой любая женщина может только мечтать. В соседнем городе открылось иностранное предприятие. Тогда у нас это было еще в новинку. К нам приехали немцы. Они привезли с собой старенькое оборудование начала шестидесятых, смонтировали его и заставили варить шоколад. Одним из тех, кто этим занимался, был швейцарец Питер. Потом на фабрику стали набирать местные кадры, взяли и Алену. И, как в сказках говорится, они встретились, чтобы уже больше никогда не расставаться. Через какое-то время молодые люди стали жить вместе и Питер переехал в барак к Алене. Он научился ладить со своей будущей тещей, перезнакомился со всеми снегиревцами. Как они находили общий язык? Непонятно. Ведь Питер не знал русского. С Аленкой они изъяснялись на странной смеси из нескольких языков, сопровождая ее выразительными жестами.

Пришло время окончательно определяться в дальнейшей жизни, и они решили пожениться. Для того чтобы венчаться по православному обряду, Питер принял православие. Крестившись, швейцарец стал русским, и, более того, он стал

снегиревцем. После окончания командировки Питер должен был возвращаться в Европу, но Алена не захотела уезжать, и ее муж остался в нашем городе. Так, вместе, они прожили около года. Через какое-то время Питер уехал за границу по делам фирмы. Жена стала его ждать. И вдруг тревожная весть: перед Новым годом Аленка пропала. Ее искали везде, но только через неделю мать нашла ее в морге в одном из городов соседней области. Оказалось – несчастный случай. Никому ничего не сказав, она уехала за подарками. Дорожки были скользкими, Алена поскользнулась и упала на спину, ударившись головой о бордюр. Смерть наступила мгновенно.

До Питера не дозвонились. Как оказалось, никто толком не знал ни его швейцарского адреса, ни срока командировки. Алену похоронили без него. Питер спешил на Рождество к любимой жене, а приехал к ее могиле. Не буду описывать его тоски, я все равно не смогу этого сделать. Он приходил в храм, молился, как мог. Все свободное от работы время Питер пропадал на кладбище.

Долго так продолжаться не могло. Видя, как человек страдает, близкие Алены стали уговаривать его уехать из России. Питер понимал, что они правы, и стал готовиться к отъезду. Он получил новое назначение и паковал чемоданы. Был уже куплен авиабилет. Буквально накануне отъезда Питер вдруг не пришел ночевать. Утром снегиревцы вышли прочесывать заснеженные окрестности и первым делом пошли на Ален-

кину могилку. Там его и нашли...

С детства помню иллюстрации к сказке Аксакова «Аленький цветочек». На одной из них было изображено чудище лохматое, сердце которого не выдержало тоски по купеческой дочке. Мне всегда было жалко смотреть на него, лежащего бездыханно и обнимающего огромными лапами ненаглядный цветочек. Вот точно так же лежал и Питер на могиле своей жены. Его руки обнимали дорогой его сердцу бугорок ледяной земли, а самого его уже почти занесло снегом. Как потом установили, сердце не выдержало разлуки и остановилось.

Отпевали Питера в доме, где они жили вместе с его Аленкой. Наши русские женщины плакали по нему точно так же, как плачут по своим близким людям. Стояли и родственники Питера, прилетевшие из Швейцарии, но на их лицах за все время молитвы (а я украдкой наблюдал за ними) не дрогнул ни один мускул. Когда потом, по окончании отпевания, я через переводчика выразил соболезнования его матери, та только кивнула в ответ, ничего мне не сказав. Хотя кто знает, что творилось в это время в ее материнском сердце? Может быть, швейцарцы, в отличие от нас, просто умеют хорошо скрывать свои чувства?

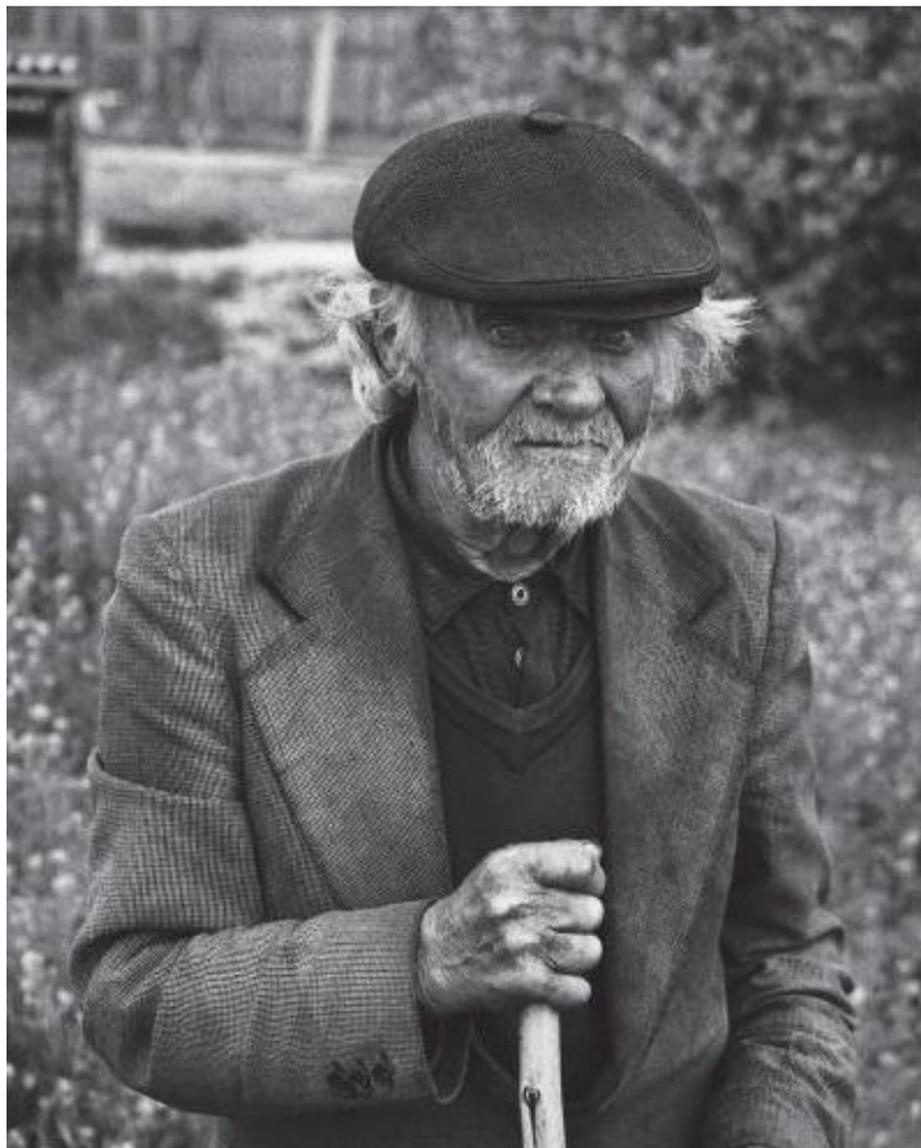
Тело Питера не стали увозить на родину, он так и остался навечно в нашей земле и в нашей памяти. Сейчас на их могиле стоит камень с православным крестом – один на двоих. Бывая в тех местах по делам службы, я частенько захожу к ним и здороваюсь, словно с живыми.

До сих пор у меня перед глазами стоит тот день, когда мы прощались с Питером, плачущие по немцу русские женщи-

ны и лежащий на журнальном столике, уже никому не нужный билет на самолет с завтрашней датой вылета...

Кузьмич

После войны мужчины в наше село возвращались поодиночке и в разное время. Возвращение каждого из них становилось праздником для всего села. Девятое мая каждый год праздновалось у нас как великий день. С утра все ветераны, надев ордена и медали, уходили в соседний поселок, где установлен памятник тем воинам, которые не вернулись с полей сражений. Там обычно проходил митинг, а потом бывшие солдаты пешком возвращались в село. Возле крайнего дома по заведенной традиции накрывался стол, и все сельчане, те, кто не воевал, но ждал своих все эти четыре года, вместе с детьми, а потом и внуками, стояли и встречали мужчин. Каждому подносили по стопке водки, и потом кто-нибудь из молодых говорил благодарственное слово. Ветераны расходились по домам, и начинались застолья с песнями и танцами. Веселилось все село.

Время шло, и с каждым годом ветеранов становилось все меньше и меньше. Раны и контузии делали свое дело. И в конце концов последним солдатом Великой войны в нашем селе остался Иван Кузьмич.

Кузьмич – человек судьбы удивительной. Это человек-везунчик. Представьте себе: во время войны он умудрился дважды выжить в авиационных катастрофах! Он служил во фронтовой авиации, летал на тяжелых бомбардировщиках стрелком-радистом. Дважды его самолет сбивали немцы и он падал на землю, дважды погибал весь экипаж – все, кро-

ме Кузьмича.

Вернувшись домой после войны, бывший летчик решил в корне изменить свою жизнь и несколько раз порывался уехать из села. Собирал чемодан и, не считая нужным ставить в известность об очередном вояже даже свою супругу, отправлялся в путь. Ему, как мужчине ладному и привлекательному, несомненно, удалось бы начать новую, светлую жизнь в каком-нибудь городе. И если бы не пристрастие Кузьмича к выпивке, то осталась бы его Анна Ивановна соломенной вдовой. Но проходило время, и возвращался Кузьмич, как правило, без вещей, с пустым чемоданом, а порою и без него.

Старея, Кузьмич стал трепетно относиться к собственному здоровью: перестал употреблять крепкие напитки и перешел на пиво, позволяя себе не более одной бутылочки в день. Он дотошно допытывался у врачей о способах лечения без таблеток, и через какое-то время односельчане обратили внимание на то, что Кузьмич практически перестал болеть. Все старики помирают, а Кузьмич – как заговоренный! Много ходил по лесам, работал на огороде, косил и заготавливал сено, держал коровку. Любил плести корзинки, и у многих они остались как память о нем. В свои девяносто лет он без видимого напряжения обкашивал вокруг храма гектар наших церковных площадей. Как-то увидел его хромающим и спросил участливо:

– Заболел, Иван Кузьмич?

– Нет, – отвечает, – на гвоздь наступил.

Уже все ветераны войны упокоились на кладбище, а Кузьмич знай себе пивко попивает, причем как молодой – на ходу! Захожу в поселковый магазин, а старичок наш с молоденькими продавщицами балагурит. Почтенная Анна Ивановна, которая была на восемь лет моложе мужа, уже давно не вставала с постели, а Кузьмич надумал в дом отдыха ехать, да в последний момент что-то не заладилось.

На все мои призывы задуматься о возрасте, зайти в храм и покаяться, ну хотя бы в сквернословии, Кузьмич неизменно отвечал:

– Нас, батюшка, в детстве этому не научили.

И хоть кол ему на голове теши!

– Кузьмич, а чему тебя учили? – спрашиваю. И тот как-то, разоткровенничавшись, рассказал мне следующее:

– Мы жили в одном селе, рядом с которым издавна стоял монастырь. В двадцатые годы, когда я ходил в школу и стал пионером, наша пионервожатая на уроках труда водила нас на территорию монастыря бить там окна. Вот этому мы и учились, и преуспели так, что скоро ни одного целого окна в обители не осталось. Учились иконы жечь и вообще всему самому тогда, как считалось, полезному.

Спустя какое-то время я волею случая попал в тот самый монастырь, о котором мне рассказывал Кузьмич. Школа в селе уже была новая, но стояла на месте прежней, так что до монастыря оказалось рукой подать. Встретился с настояте-

лем (мы с ним хорошие знакомцы) и рассказал о Кузьмиче, который хулиганил в монастыре, учрежденном еще до старообрядческого раскола.

Наместник очень обрадовался моей информации. Историк по образованию, он работал тогда над новейшей, самой грустной главой из истории древней святыни. Сожалел, что живых свидетелей разгрома монастыря в двадцатых годах уже не осталось. А тут такой подарок – непосредственный участник тех событий, да еще и наделенный прекрасной памятью.

– Отче, жди, на следующей неделе непременно будем!

И действительно, монахи приехали, как и обещали. Мы нашли Кузьмича во дворе его дома. Увидев иноков, да еще идущих к нему, он оробел. А когда я ему радостно сообщил, что это – монахи с его малой родины, той самой, где он с другими малолетними «кузьмичами» рушил древнюю святыню, участник событий понял: сейчас будут бить.

Сперва он было решил убежать от нас, но потом, осознав, что мы его все равно догоним, напустил на себя вид выжившего из ума человека. Ничего, дескать, не знаю, ни о чем не помню, пустил слюну и запричитал. Сколько я ни зывал тогда к совести Кузьмича, все оказалось напрасно. Разочарованные монахи уехали, и я спросил старика:

– Ты чего, дед, цирк устроил? Люди к тебе издалека приехали, их история разгрома монастыря интересует, а ты – единственный уцелевший свидетель. Кто им еще расскажет?

– Ошибаешься, батюшка. Я – не свидетель, я – участник. Вот ты сам посуди. Той училки-пионервожатой уже давно на свете нету, да и из всего моего класса, почитай, никого не осталось – один я. А кто-то ведь должен за все это отвечать? Я бы им сознался во всем, а они на меня в суд бы и подали, и плати им до конца дней своих!

Через какое-то время, проходя мимо деревенской общест-венности, я слышал, как дед бахвалился, что обвел мона-хов вокруг пальца.

– Ничего они у меня не получают! – радостно восклицал он.

Кузьмич после визита к нему монахов прожил еще год и умер в возрасте девяноста двух лет. Перед смертью не болел ни дня. Пришли к нему утром, а он лежит на диване уже холодный.

После отпевания старика я с грустью сказал:

– Так ты, Кузьмич, и не покайся. И куда ты теперь?

Думал, что про себя говорю, а оказалось, что спросил вслух, и меня услышала его бывшая соседка.

– Ты, батюшка, за Кузьмича не беспокойся, он и не из таких передряг выходил. Так что выкрутится, ему не впер-вой! – с полной уверенностью успокоила она меня.

Пять минут

Говорят, что те, кто так и не собрался покаяться в своих грехах при жизни, лелеют там единственную мечту – вернуться хотя бы на пять минут вновь в тело и совершить покаяние. Потому что это можно сделать только здесь.

Человек может и не верить Христу, прожить жизнь, как стрекоза, которая не задумывалась о грядущей зиме, а встретившись лицом к лицу с Небом, испытать великое разочарование.

Вступив в вечность, человек, который ее отвергал, вынужден изменить свою точку зрения. Для него наступает период знания, а вот период веры и надежды уже не наступит никогда. А там в цене – только вера, расцветающая любовью, а не знание с его констатацией факта. При этом можно ссылаться на авторитет святителя Игнатия Брянчанинова и других учителей Церкви, но у меня имеется опыт и несколько другого порядка. Вот о нем-то я и хочу рассказать.

Как-то зимой, года два назад, после окончания всеобщего бдения, то есть после восьми часов вечера, когда мы уже собирались уходить, в храм зашли мужчина и женщина, оба – лет сорока.

– Не сможет ли батюшка окрестить нашего отца? – спросили эти люди, оказавшиеся родными братом и сестрой. – Он умирает и просит совершить таинство немедленно.

– Конечно, – ответил я, – куда едем?

– Он хочет, чтобы крещение происходило в церкви.

«Странно, – подумал я, – здоровые до храма никак не дойдут, а тут умирающий собрался! На руках они его, что ли, понесут? Хотя это их личное дело».

– Хорошо. Я буду вас ждать.

Через полчаса в церковь бодро вошел пожилой мужчина в синем спортивном костюме, сопровождаемый своими детьми. «Что-то не очень он похож на умирающего», – подумалось мне. Дело в том, что в таких случаях мы крестим «по скору», – это специальный чин для того, чтобы успеть окрестить человека, когда его жизни что-то угрожает.

– Постойте, – говорю, – ребята, ваш папа выглядит достаточно бодро. Может, отложим крещение до следующего раза, согласно расписанию? Мы подготовим человека и торжественно окрестим его большим чином.

Но мои собеседники были непреклонны:

– Батюшка, отец уже было умер и потом вдруг пришел в себя и потребовал везти его в церковь. Пожалуйста, крести, мы потом тебе все объясним!

Я подошел к старику и спросил:

– Скажи, отец, ты сам хочешь креститься, или они, – я показал в сторону его детей, – заставляют тебя?

– Нет, я сам хочу принять крещение.

– А ты во Христа как в Бога веришь?

– Теперь верю, – ответил он.

После совершения таинства старик без помощи детей покинул храм.

На следующий день мы служили Божественную литургию. В конце службы, как и было уговорено, старика привезли на причастие. В храм он уже не вошел: его под руки тащили дочь и сын. Человек принял причастие и перекрестился. Потом его привезли домой, положили на кровать, он потерял сознание и умер.

Перед отпеванием брат и сестра рассказали мне о том, что старик, я уже не помню его имени, всю свою жизнь был ярым коммунистом. Ни о какой Церкви, Боге и прочей «чепухе», он, естественно, никогда и не задумывался. Когда дети просили его креститься, он вынимал свой партбилет, показывал на профиль Ильича и говорил: «Вот мой бог!»

Даже заболев неизлечимой болезнью, отец отказывался креститься. Человек он был добрый, в семье его любили и хотели молиться о нем и в дни его болезни, и после кончины. Умирал он у них на руках, уже перестал дышать, лицо побледнело. Вдруг отец вновь задышал, открыл глаза, сел и потребовал: «Крестите меня немедленно!» Что с ним произошло, почему вернулся к жизни? Он так никому и не рассказал об этом...

В нашем поселке жил ветеран Великой войны дядя Саша. Маленький, с темными густыми бровями и неизменной улыбкой на лице. Ходил он в одном и том же сером костюме. Жил вдовцом, дочери разъехались, но старик всегда выглядел аккуратно. Любил дядя Саша выпить, но никогда я не встречал его пьяным. У него была соседка Люся – женщина

неопределенного возраста и тоже любительница пропустить стаканчик-другой. Видимо, на почве одиночества и общего интереса между ними завязалась дружба. Вот эта Люся звонит мне и требует:

– Дядя Саша говорит, что ему дали пять минут. Приходи немедленно!

Ветеран уже умирал, вызвали его дочерей. Старик никогда не заходил в храм, а встречая меня на улице, провожал взглядом так, как если бы вдруг увидел возле своего дома какого-нибудь папуаса в боевой раскраске. Он не здоровался со мной, даже если я и предпринимал попытки его поприветствовать. Видимо, мои обращения ставили его в тупик точно так же, как если бы тот же папуас заговорил с ним на чистейшем русском языке. Но мне он был симпатичен. К лацкану его пиджака был прикреплен орден Отечественной войны, а я уважаю ветеранов. Возится такой старичок у себя на даче или возле дома, дощечку какую-нибудь прибивает или деревце обрезает. Проходишь мимо и думаешь: ты уж копошись потихоньку, займи себя чем-нибудь, но только живи, не умирай! Вы нам нужны, старички, без вас нам будет плохо...

Когда я пришел, дядя Саша сидел на кровати в черных брюках и в майке. Мы впервые поговорили с ним, и я понял, почему он всегда был мне так симпатичен. Старик рассказывал мне о своей юности, о войне, на которую ушел в первый же день, о тяжелейшем ранении в живот и лечении в

госпитале, где и встретил День Победы, о том, как вернулся с войны инвалидом, женился, родил двух дочерей. Вспоминал, как после войны его, несмотря на многочисленные награды, никто не брал на работу из-за инвалидности и семья практически голодала. Но самым мучительным в его жизни было то, что во время войны ему приходилось убивать. Убивал, всякий раз остро переживая сам факт убийства человека.

«Мне всегда было тяжело убивать немцев, тем более что они лучше нас» – это его слова.

Когда пришло время умирать, его там не приняли. Он ясно услышал требование: «Покайся!» И еще ему сказали: «У тебя – пять минут». Правда, дядя Саша прожил еще целую неделю...

Когда я отпевал старого солдата, а отпевание проходило в его доме, пьяная Люся заявила, что не верит в поповские сказки, а дядя Саша просто блажил напоследок. Мне пришлось сказать ей приблизительно следующее: «Меня не интересует, веришь ты или нет, ведь не тебя же отпеваем! Вот когда придет твой черед умирать, тогда мы у тебя и спросим».

Люся задумалась над моими словами и замолчала. В тишине я смотрел на лицо этого большого ребенка, который прожил долгую и грустную жизнь, вырастил детей, познал одиночество, был обижаем и пренебрегаем, но не озлобился и не потерял веры в людей. Бесстрашный солдат, с первого

до последнего дня прошедшей войны, но так и не научившийся убивать...

Он многое испытал и многое пережил. Ему не хватало только вот этих самых пяти минут, которые Небо ему и подарило.

Начало

Помню годы своего неофитства. Хорошее было время. Я только-только пришел в Церковь. Удивительное дело, как тогда все легко давалось! Какие-то трудности на работе? Помолись, и все наладится. Что? Автобус не ходит? Помолись, и он никуда не денется, придет. Проблем нет, все разрешается, словно по мановению волшебной палочки.

Неофит купается во внимании к нему небесных сил, его жизнь полна радостных мироощущений. Это потом наступают отрезвляющие будни, которые поэт сравнивал с тоннами руды, из которых добываются граммы полезных результатов. У неофитов же – все просто. Порой складывается впечатление, что твой ангел-хранитель словно на цепь деревенского колодца посадил бесенка, мешавшего тебе жить, и примотал его к самой рукоятке. Жизнь твоя наполняется энергией. Тебе хочется непрестанно молиться, перечитать всю аскетическую литературу, вызубрить наизусть Священное Писание. Это такую духовную конфетку тебе в рот положили. Ох как вкусно!

Но на одних вкусняшках далеко не уедешь, и ручка колодца постепенно раскручивается, и враг на цепи словно злобный пес приближается к тебе. И начинается борьба, ибо цену имеет только результат победы, результат преодоления. Конфетки, выданные нам авансом, в счет не идут, а вот те хоть и малые, но честно заработанные граммы становятся твоим настоящим сокровищем, которое не отнимается и следует за

тобой в вечность. Только они имеют ценность в глазах Неба. Кстати, о цепи: она никогда не будет раскручена полностью. На высоком уровне борьбы ты можешь даже почувствовать смердящий запах из пасти врага, но Бог никогда не позволит ему вцепиться тебе в горло.

Помню, как попала тогда мне в руки книжка «Откровенные рассказы странника своему духовному отцу». Прочитал ее и восхитился: оказывается, так просто стать святым – повторяй себе Иисусову молитву с утра до вечера и «небо у тебя в кармане». Следуя этой логике, для того, чтобы стать настоящим православным, необходимы четки – раз и монастырь – два. В качестве четок я поначалу приспособил цепочку от пробки для ванной: она состояла из множества маленьких шариков, но, правда, не соединялась в кольцо. А вот с монастырем дело обстояло сложнее – у меня ведь жена с ребенком.

Но духовные подвиги манили, как запах жареной картошки. Почитал про Серафимушку, как все ему легко давалось: кушал себе сныть и капустку, и вот – он уже чудотворец. Да и преподобный Сергей чуть ли не через три года после того, как в лес ушел, уже братию собирал. Всего-то три года – и ты на коне! Но жена и ребенок встали стеной на пути моего спасения...

Помню, как несколько месяцев подряд, ложась спать, глубоко вздыхал: «Эх, плакала моя святость!» Наконец жене все это надоело, и однажды она мне предложила:

– Ну, уж если тебе так приспичило, поезжай, поживи в монастыре, и если твои мечты совпадут с реальностью, то я не буду тебя удерживать. Иди, спасайся!

Я, понятное дело, сразу же стал ее успокаивать:

– Вовсе, мол, и не собираюсь ни в какой монастырь! – Но в глубине души возликовал.

По сотне, а потом и по тысяче раз повторял я про себя краткую молитву, очень скоро она стала постоянно крутиться у меня в голове. Я ел, пил, разговаривал с людьми, даже мог смотреть фильм по телевизору, а в голове независимо от всего постоянно протекал молитвенный процесс. Однажды еду в электричке, перед моими глазами – металлическая табличка с номером вагона. Молюсь, молюсь, а потом думаю: дай-ка прислушаюсь к тому, что я повторяю. И оказалось, что гоняю в голове этот самый номер вагона, в котором еду. Причем с таким же успехом это мог быть и обрывок случайно услышанной фразы или объявление об очередной остановке. Ничего себе, я-то думал, что уже Иисусову освоил, а оказывается, моя «молитва» превратилась в некую форму навязчивости и я – вовсе и не молитвенник, а попугай. Как важно, оказывается, внимание!

Однажды со мной произошло событие, по поводу которого у меня и сегодня нет однозначного мнения. Как-то перед ночной сменой просматривал слово об Иисусовой молитве преподобного Паисия Величковского. Он писал о степени постижения молитвы, которая входит человеку в серд-

це и становится фоном его сердечного биения и дыхания. Я, уже будучи «опытным» делателем, усомнился: «Как такое может быть? Что-то не то пишет святой человек». Потом отложил книжку и решил вздремнуть на часок перед работой. И вот, поверьте, просыпаюсь, а у меня идет процесс молитвы в сердце и параллельно с дыханием. Это было потрясающее ощущение!

Сейчас я уже не смогу описать это состояние подробно – давно дело было. Сначала обрадовался. Еще бы! До такой степени в молитве даже из монахов доходят единицы, а у меня процесс шел сам собой безо всякого усилия с моей стороны. Мне было очень легко и радостно творить молитву. В те дни я повторял не более ста молитв, но с максимальным вниманием, а через краткое время в сердце пришла боль. Как только начинаю молиться, болит сердце. Мне стало страшно. Был бы у меня тогда опытный духовник, он бы, наверно, наставил меня на путь истинный, но духовника-то как раз и не было.

Боль в сердце все нарастала, и мне пришлось полностью отказаться от практики краткой молитвы. Я не понимал, что процесс усвоения Иисусовой должен идти параллельно с очищением души, а так, в нечистоте, молитва разрывала мне сердце. Я принялся молить Бога о том, чтобы Он отнял у меня дар, который я получил, очевидно, в посрамление своих сомнений. И Господь услышал меня. Правда, еще с полгода я мог по своему желанию возобновить этот процесс, и

боль была уже не та. Сейчас я уже забыл то состояние, и боли нет, а вспоминаю с сожалением, как о чем-то высоком и упущенном навсегда. Сегодня без духовника даже не пытаюсь повторить тот опыт: боюсь, да уже и не дерзаю...

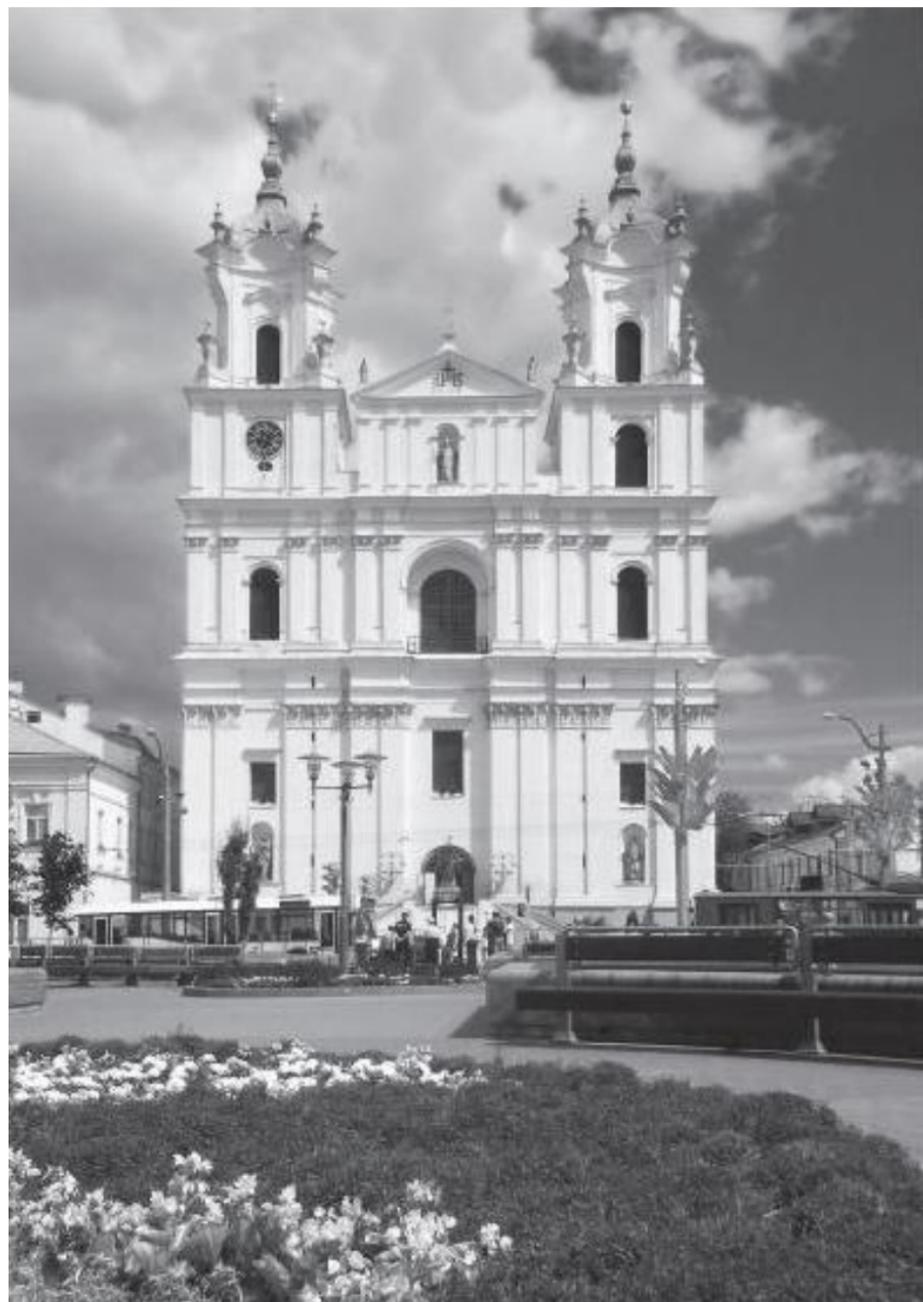
Вскоре разрешилась и проблема с четками. Приехали мы семьей к моим родителям в Белоруссию и, гуляя по родному городу, зашли в древний иезуитский костел. Красивейшее здание, строилось чуть ли не два столетия. Один алтарь чего стоит! Его часами можно рассматривать, не отрываясь. Сидим мы с женой на старинных скамьях, молчим, переносясь мыслями в средневековую Европу, и вдруг я замечаю: неподалеку от нашей лавки, на гвоздике висят католические четки – «ружанец» или «розарий», состоящий из пятидесяти трех камней-бусин.

Я таких четок больше никогда и нигде не видел. Бусины выполнены из граненых топазов и черного агата, скрепы – из старинного золота девяносто девятой пробы, а само распятие, прикрепленное к большому золотому кресту, – из белого металла, очевидно, из платины.

– Смотри, – показываю супруге на четки, – мои висят!

– С чего это ты взял, что твои? – резонно поинтересовалась она.

– Ну, ты же знаешь, что я ищу четки. Вот Бог мне их и послал!

Моя жена – из «бывших», знает цену дорогим вещам.

– Если бы это действительно было от Бога, то четки оказались бы поскромнее, а здесь на гвоздике «Жигули» висят! Это же восемнадцатый век, не позже! А потом, подумай: кто-то их обронил, а другой поднял и на гвоздик повесил. И это, заметь, наверняка сделал католик! Ты все повторяешь, что мы, мол, православные, более духовны, и вот тебе картинка: православный «подвижник» зашел в гости в храм к католикам и стащил у них драгоценные четки. Как-то некрасиво все это выглядит...

Замечание супруги отрезвило меня. И в подтверждение ее слов в тот же день Господь осчастливил меня веселенькими четками из зеленых пластмассовых бусинок.

Вернувшись домой, я все-таки съездил в монастырь на разведку. Решил поговорить с отцами, посоветоваться по вопросам духовного делания. В монастыре я быстро сошелся с одним иеромонахом из вдовых священников – моим ровесником. Он взял меня с собой послужить в один из приходов, приписанных к их монастырю.

Я собирался причащаться и ждал своей очереди на исповедь. Мне не было резона спешить, потому к аналою подошел последним, уже часам к одиннадцати вечера. Каюсь бабюшке: мол, в том и том грешен, и вот, кроме всего прочего, люблю своими зелеными четками невзначай похвастаться. И об Иисусовой молитве рассказал, и о стремлении к монаше-

ской жизни. Священник меня внимательно выслушал и, накрыв епитрахилью, прочитал разрешительную молитву. Потом, когда мы уже выходили из храма, спросил:

– А кто тебе вообще благословил четки? И Иисусову творить тысячами кто разрешил?

Здесь-то я и услышал, что в Церкви, оказывается, существуют такие слова – «благословил» или «разрешил».

– Слушай, – продолжает монах, – вы как с матушкой живете? Ругаетесь?

– Да нет, – отвечаю.

– Может, она тебе изменяет?

– Нет.

– А дети есть?

– Дочь.

– Так я понимаю, что вы между собой хорошо живете?

– Душа в душу!

– Тогда что ты у нас в монастыре забыл?

Потом, помолчав, подытожил:

– У тебя в армии какое было звание?

– Капитан.

– А я сейчас в соответствии с петровской табелью о рангах – подполковник. Так что, господин капитан, слушай мою команду. Завтра причащаешься – и домой к жене и дочери шагом марш! И выброси всякую дурь из головы. Понял?

– Так точно!

Утром я возвращался домой, духовно повзрослевший и

отрезвевший.

Вот так Церковь и не получила в моем лице «подвижника-исихаста»². А ведь как все хорошо начиналось: одна тысяча Иисусовых молитв в день, две тысячи Иисусовых...

² *Исихазм* (от греч. «ἡσυχασμός» – покой, безмолвие, отрешенность) – мистическое течение, возникшее в IV–VII и возродившееся в XIII–XIV вв. в Византии. В широком смысле – этико-аскетическое учение о пути к единению человека с Богом через очищение сердца слезами и самососредоточение сознания.

Посвящение

Не удалось мне посмотреть интронизацию Святейшего, поскольку она проходила воскресным утром. В это время у нас, как и во всех храмах нашей Церкви, шло служение Божественной литургии. Только вечером по информационной программе увидел маленький кусочек.

Смотришь со стороны: вроде простое дело. Ну подумаешь, подошли к Горнему месту, трижды подняли и посадили на трон человека и объявили новым Предстоятелем Церкви. Но ведь до этих действий человека именовали избранным и нареченным, а только уже после них – патриархом. Значит, за этим нехитрым обрядом стоит нечто большее, что-то с ним сопрягаемое, но то, чего мы не можем увидеть.

Кто-то может подумать: вот так просто вручается в руки человека огромная духовная власть. Но, оглядываясь на нашу историю, понимаешь, что русские патриархи не только принимают власть, но и одновременно восходят на Крест. Таково их служение, и не они его выбирают, а их самих выбирает Небо. Смею вас уверить: перед глазами каждого клирика, наблюдающего за чином поставления в ту или иную степень священства, конечно же встает собственное рукоположение. Не припомню, чтобы хоть кто-либо из них писал об этом, а жаль. Рискну приоткрыть завесу таинственности.

Начну с того, что я не собирался становиться священником и, честно говоря, принял сан по послушанию. Куда больше меня привлекала научная деятельность, ведь я закан-

чивал Московский Свято-Тихоновский богословский институт. Учился хорошо, моя светская работа меня вполне устраивала и не мешала мне заниматься любимым делом. Когда я стал диаконом, то испросил у владыки благословение на продолжение учебы (я тогда был на пятом курсе) и на работу в прежней должности. А самое главное – мне нужно было привыкнуть к моему новому положению в Церкви, поскольку сан диакона был предложен мне неожиданно. Владыка понял мое тогдашнее внутреннее состояние и не стал настаивать на моей священнической хиротонии, за что я ему сегодня крайне благодарен.

Но пришло время становиться священником, отказаться от всех своих прежних планов и окунуться в совершенно новое делание. До того я десять лет подвизался на клиросе, посещал заключенных и вел занятия в школе для взрослых прихожан, но не представлял себя в роли пастыря. Скажу честно, ехал на хиротонию как на казнь, малодушествовал и впадал в уныние. Как мне хотелось, чтобы автобус, который вез меня в областной центр, вдруг остановился бы и шофер объявил, что дорогу размыло внезапным паводком или началось неожиданное извержение вулкана! Но вулканов у нас отродясь не водилось, да и паводка в двадцатисемиградусный мороз ожидать было глупо. Ехал один – матушку пожалел брать с собой в такой холод.

На вечернем служении молился в алтаре. Помню, как владыка, сочувственно посмотрев на меня, сказал:

– Не волнуйся, все будет хорошо!

Ночевал в пустынном помещении семинарии – всех учащихся распустили по домам на каникулы. Мне постелили в гардеробной, что оказалось очень удобно, поскольку я смог развесить все свои вещи на множестве крючков для одежды. До сих пор не могу понять: удалось ли мне тогда заснуть или нет? Скорее я дремал, чем спал, поминутно приходил в себя, смотрел на часы и снова проваливался в неглубокий сон.

Как сейчас вижу: дверь в гардеробную резко распахнулась и в комнату вбежал отвратительного вида карлик. Таких карликов-шутов можно было часто встретить при дворах средневековых государей. На его уродливую голову, украшенную огромным носом, была нахлобучена рогатая шапка с колокольчиками. Он прыгал вокруг меня, и от этого мне становилось хуже и хуже.

Внезапно в комнату вошел монах с длинной белой бородой. Лица его я не разглядел. Раньше на месте семинарии располагался монастырь, а гардеробная, как и все другие помещения, построенные еще в XVII столетии, служили инокам кельями. Монах посмотрел на меня, указал на карлика и сказал:

– Это бес уныния, это он мучает тебя. Отгоняй его крестом, – и показал мне, как это сделать.

Я проснулся, в комнате никого не было. «Привиделось», – подумал и снова задремал. И вновь – тот же карлик, его прыжки и бубенчики... И снова я увидел монаха, который

повторил:

– Запомни. Отгоняй его крестом!

Утром на службе я, конечно же, волновался. Все старались меня приободрить, но в тот момент я чувствовал себя очень одиноко. Настал мой час, я вышел из алтаря, под руки меня поддерживали двое протоиереев. Мой взгляд скользнул по лицам прихожан, и неожиданно я увидел свою мамушку, которая улыбалась мне. Как я был ей тогда благодарен! Почти в тридцатиградусный мороз она приехала в такую даль, чтобы поддержать меня. Я увидел родные глаза, и мое напряжение сразу же улетучилось. И когда прозвучали возгласы: «Повелите. Повели» и священство повело меня в алтарь, я шел уже куда спокойнее. Затем последовало троекратное хождение вокруг престола, прикладывание к нему и целование богослужебных одежд владыки. Потом я встал на колени и прижал голову к престолу, а епископ, возложив на меня руки, читал молитвы. Но перед чтением молитв произошло то, чего я никак не ожидал. Владыка наклонился ко мне и вдруг тихо-тихо назвал меня так, как называла меня в детстве моя мама. Никто, даже самый близкий мне человек, моя жена, никогда не называл меня этим именем. Потом так же тихо он произнес:

– А теперь молись, как только можешь.

Он повел молитву, а я мог только просить о милости Божьей. Потом меня подняли на ноги, и я почувствовал всем своим разумом и каждой клеточкой своего тела, что стал свя-

щенником. Непокколебимая уверенность в этом и покой разлились по мне.

Я стал священником из-под руки моего владыки и обрел в нем своего второго отца. Мой первый отец подарил мне жизнь и научил меня быть человеком, а второй – дал право служить у престола. Могу добавить лишь, что на следующий день, проснувшись рано утром, я увидел мой священнический крест, висящий в гардеробе на вешалке, и, вспомнив о своих вчерашних сомнениях, по привычке было загрустил, но внезапно кто-то словно напомнил мне: «Отгоняй его крестом!» Я перекрестился, и уныние покинуло меня. Свидетельствую, с тех пор оно меня не посещает.

Через несколько дней служения я стал ощущать боли в области сердца. Сначала относил их на счет священника кафедрального собора, который, как я считал, постоянно придирался ко мне и делал несправедливые замечания. Сегодня я понимаю, что так он учил меня, а тогда я скорбел. Через многие годы в разговоре с одним из батюшек услышал, что после рукоположения он поначалу не мог служить литургию:

– Только приступаю к службе, а у меня сердце схватывает!

Он даже ходил в больницу, в которую обращаются многие клирики. Врач, узнав, что священник еще только начинает служить, улыбнувшись, сказал ему:

– Не волнуйтесь, батюшка, боль скоро пройдет! Это благодать обустроивает в вашем сердце место для себя.

Когда Божий посещает подвижников, Он нисходит в

уже очищенное место. Входя в нас, священников, Он совершает это не по чистоте наших сердец, а для того, чтобы дать нам силу для исполнения предназначенного служения. Дух вынужден Сам обустроить Себе место, отсюда и боль.

Шла интронизация Святейшего патриарха. Рядом с ним стояли все епископы и множество священников. Патриарх совершал действия чина спокойно, внешне не проявляя никакого волнения. Но священство знало, что в это время происходит в сердце святителя, можно сказать, ощущало его биение. Оно молилось о том, чтобы это сердце отныне было способно вместить в себя все радости и скорби своего народа, смогло безошибочно услышать волю Господню и провести Церковь как хрупкий корабль единственно правильным путем сквозь мели и рифы искушений и бури всяческих соблазнов к тому единственному маяку, имя которому – Христос.

Пересечения

*Как поверите, если буду говорить вам о
небесном?*

Ин. 3:12

Я никогда не ездил к старцам, хотя имена их слышал и знал людей, считавших своим долгом побывать и благословиться у подвижников. А вот я не ездил. Мне один знакомый рассказывал, как он посетил покойного уже отца Бориса в Иванове, а тот дал ему благословение и наказал: «Исполнить обязательно!» Выслушал я своего знакомого и сделал для себя вывод: как хорошо, что я не мотаюсь без дела по старцам!

Но однажды в один солнечный осенний день на меня неожиданно обрушилось предложение стать диаконом. Вот тут-то я и завертелся волчком. Ладно бы, если я этого хотел, так ведь нет, как раз наоборот! Только-только поступил в Свято-Тихоновский институт. Мне учиться нужно, а здесь такое... Но вдруг это – воля Божия, а я пройду мимо нее?

Что делать? Ведь не жребий же тянуть, правда? И приходит мне в голову замечательная мысль: такой сложный вопрос может разрешить только старец. А где его взять? К тем, о ком уже слышал, прорваться невозможно, а раз так, то к ним я и не поеду. Вот если укажут мне обстоятельства такого подвижника, к которому я смогу попасть, тогда я и отправлюсь в путь, а если нет – извините, мое рукоположение отменяется по техническим причинам. Никогда не забуду: весьма довольный собой, иду принимать ванну, а моя будущая матушка, тогда еще ни о чем не подозревавшая, в это время с кем-то разговаривает по телефону. Лежу, нежусь, наслаждаюсь найденным решением и теплой водичкой. Входит супру-

га и говорит:

– Звонила Н. Представляешь, она побывала в Пафнутьево-Боровском монастыре! А в нем, оказывается, подвизается человек высокой духовной жизни, его имя – схииархимандрит Власий, и многие почитают его за старца. Кстати, и попасть к нему несложно...

От неожиданности я чуть было не захлебнулся. Пришел в себя, отдышался. Ничего не поделаешь, надо ехать – адрес указан!

Имея в запасе два выходных дня после ночной смены, я отправился в Калужскую область. Не стану рассказывать, как ехал, но в монастыре я оказался около пяти часов вечера. Это сейчас у дверей старца – нескончаемая очередь. Тогда было проще, дожидались встречи обычно человек двадцать, а когда я приехал, и вообще никого не было.

На двери кельи старца на гвоздике висел картонный треугольничек с надписью: «Не заходить». Ладно, уселся рядышком на скамейку, достал акафист Пресвятой Богородице и принялся читать. Минуты через три дверь открывается, и из-за нее выходит, как мне показалось, еще совсем не старый человек в подряснике и унтах и с интересом смотрит на меня.

– Что не заходишь?

– Да вот же, батюшка... – показываю на треугольник.

– Это не для тебя, радость моя, заходи!

Батюшка разговаривал со мной и одновременно облачал-

ся в схиму. Оказалось, он спешил на вечернюю службу. Мой вопрос разрешился в течение минуты, но мне захотелось побеседовать еще хоть немного, и я напросился к нему на следующее утро.

Пришли в храм, расположенный на втором этаже соседнего корпуса. На службе отец Власий почему-то не зашел в алтарь, а молился вместе со всеми. Я стоял немного поодаль и краем глаза рассматривал старца. Я молился рядом с таким человеком, и мне было очень хорошо просто оттого, что он стоял поблизости. После службы и вечернего правила подумал: «А где же я буду спать?» Оказалось, что свободных мест нет. «Ничего, – решил я, – одежда у меня теплая, могу и в коридоре где-нибудь на лавочке подремать, тем более что накануне ночь у меня выдалась бессонная». Неожиданно подходит ко мне старенький монах с необыкновенно добрым лицом и говорит:

– Тебе негде спать? Пойдем ко мне в келью. Мой сосед уехал в Калугу, и место освободилось.

Я поспешил за гостеприимным монахом. Оказалось, что звали его отец Нил. Если возможно материализовать такое духовное начало, как доброта, отец Нил и был ее живым воплощением. Мы проговорили с ним до четырех часов утра, а потом я просто упал и уснул. Как сейчас я жалею об этом! Мы лежали в своих кроватях и разговаривали, словно мальчишки в каком-нибудь пионерском лагере.

– Ты знаешь?..

– А ты знаешь?..

На мой вопрос, действительно ли отец Власий – старец, батюшка Нил ответил:

– Точно не знаю, но люди говорят, что да. Я ведь с ним раньше служил в одном храме. Он был священником, а я – псаломщиком. Представляешь, он подарил мне как-то иконку Нила Столобенского, а ровно через двадцать лет меня постригли в монашество в честь преподобного Нила. Так что я советую, ты исполняй, что тебе батюшка Власий велит!

Он был так прост и по-детски доверчив, что я и не заметил, как в какой-то момент стал разговаривать с ним наставляющим тоном студента богословского института. Какой же я был глупец: целую ночь провел рядом со старцем и ничего не заподозрил! Все хотел потом к нему приехать, посидеть с ним рядышком, да так и не собрался, а потом узнал, что отец Нил уже ушел от нас. До слез обидно, что уже не встречу его больше. Когда на некоторое время отец Власий уходил в затвор, то люди шли к Нилу, и он для всех находил нужное слово. Как он умел посмотреть в глаза, как растворял человека в своем взоре!

В то утро перед литургией он зашел в храм, обошел всех паломников. Каждого о чем-то спрашивал, дотрагивался до рук, лица, благословлял. И смотрел, каждому пристально смотрел в глаза, словно хотел взглядеться человеку в душу и оставить в ней частичку своей любви.

На следующий день молимся на литургии. Снова стою ря-

дом с отцом Власием, и вдруг меня осеняет мысль: «А ведь он слышит все, о чем я думаю». Мама дорогая, как же я стал усердно молиться! Во время службы старец стоял со склоненной головой и ни на кого, казалось, не обращал внимания. В церковь заходят люди, зажигают и ставят свечи, подают записки, а он стоит как столбик. Появляется пожилая женщина в привычной «православной униформе»: длинная юбка, бесформенная куртка неопределенно-темного цвета, башмаки на шнуровке и на высокой платформе, за плечами – рюкзачок. Вдруг батюшка сходит со своего места, подходит к этой женщине и, не говоря ни слова, разворачивает ее за плечи и выводит из храма вон. Потом точно такая же участь постигает и другую старушку. Смотрю, заходит девушка в коротенькой юбочке, в туфельках на шпильках. Девушка идет по храму, и цоканье ее каблучков звонко разносится вокруг. Ну, думаю, милая, сейчас ты птичкой вылетишь со второго этажа! Но отец схимник даже глазом не повел в ее сторону.

Только лет через десять я вновь попал в этот монастырь. Очередь к старцу была уже огромной, но меня, как священника, провели вперед и поставили человек за десять до входа в его келью. Перед самой дверью старца люди снимают обувь, разулся и я. Думаю, а ведь сейчас батюшка просверлит меня своими глазами-рентгенами и скажет: «Почему же ты так нерадиво живешь, отец Александр? Что я тебе говорил тогда? Что ты мне обещал?» Да еще, пожалуй, и выгонит, как тех старушек. И стало мне так страшно, что даже

коленки затряслись. А потом мелькнула другая мысль: «Этот ты человека испугался, а как же будешь перед Христом стоять? Его-то почему не боишься?»

К счастью, батюшка меня не прогнал и даже не укорил ни в чем. Меня он, правда, не вспомнил, но подарил иконочку Угличских святых. Долго я потом голову ломал, почему именно Углич, но когда наша дочь привезла к нам с матушкой на смотрины молодого человека из этого города, я сразу же понял, что перед нами – будущий зять.

Вообще я заметил, что люди по-настоящему высокой духовной жизни никого не обличают и требовательны только к себе, а о других предпочитают молиться. Таков закон любви.

В третий, и последний, раз я ездил в монастырь вместе с нашей старостой Ниной и ее внуком Санькой. Мальчик в одиннадцать лет захворал непонятной болезнью. После того как ребенка укусил домашний кот, у него стала резко подниматься температура, зашкаливая за сорокаградусную отметку. Жар держался час-другой, а потом так же неожиданно спадал. Так повторялось по нескольку раз в день. Врачи тщательно обследовали мальчика, но ни к какому выводу не пришли. Санька проболел с полгода, и дела его все ухудшались. Нину я уже ни о чем не спрашивал. О состоянии внука свидетельствовали ее заплаканные глаза.

– Слушай, – говорю, – а давай-ка съездим к отцу Власию, попросим его молитв. На тебя уже смотреть невозможно!

Только вот не сообразили и отправились 8 Марта. И так

к святому человеку не попасть, а нас угораздило собраться в монастырь в выходной день! Что делать? С такой температурой мальчишку здесь на несколько дней не оставишь. Подошел к охраннику, попросил его помочь. Тот только развел руками, смотри, мол, народу сколько, и каждый со своей бедой!

– Попроси людей, отче, может, и пропустят.

Обратился я к верующим, рассказал о ребенке и стал просить пропустить, решив, что если потребуется, то и на коленях умолять буду. Только делать этого не пришлось – люди, дожидавшиеся своей очереди уже по несколько дней, пропустили. Решили: раз батюшка просит, значит, действительно надо...

В мире, где каждый озабочен только своими проблемами, православные не растеряли способность сострадать. По-настоящему любить может только тот, кто в смирении переносит страдания. В благополучии человек способен лишь на подачку, а в страдании вырастает до самопожертвования. Чтобы действительно сочувствовать, нужно соучаствовать.

В келью Санька зашел вместе с родителями. Батюшка взглянул на ребенка и сказал:

– Все пройдет, это возрастное.

Взял кисточку и помазал Саньку елеем. На все про все ушло не более трех минут. Сам я к отцу Власию не пошел, неудобно было отнимать у него время.

По дороге домой Нина говорит:

– Раз святой человек сказал, что болезнь пройдет, значит, так и будет.

В тот день температура у мальчика не повышалась вообще. На следующие сутки один раз поднялась до тридцати восьми, и то лишь на полчаса. Через неделю приехали они к нам в храм и соборовались всей семьей. С тех пор вспышки жара полностью прекратились, а Санькины родители пришли в Церковь.

Настоящие подвижники никогда не трубят о себе. Они – люди скромные и везде стараются быть последними и незаметными. Народ сам их находит.

Помню, отправились мы как-то в Дивеево. Люблю приезжать туда по будням, когда людей меньше. Подойдешь к раке преподобного Серафима Саровского и застынешь возле мощей. И так на душе хорошо, стоял бы и стоял! Но рано или поздно к тебе подходит матушка-монахиня и просит помочь в алтаре. Идешь вынимать просфоры. Монастырь-то женский, и священников в нем мало, а просфор много, и даже очень много. Вот и поминаешь живых и усопших. А что делать? Кто-то же должен эту работу исполнять...

В боковом алтаре тогда собрались шестеро священников. Стоим, вынимаем частички. Имена записываются в большие общие тетради, и таких тетрадей там много. Просфоры подносят мешками, напоминающими наволочки.

Еще перед поездкой в монастырь хотел исповедаться. Когда священник служит на приходе один, то исповедь стано-

вится для него проблемой. В принципе причащаться можно и без исповеди, но душу-то все равно чистить нужно! До принятия сана я ведь тоже воевал с грехами. Думал, что многое уже в себе поборол, могу жить спокойно и вкушать заслуженные плоды, да не тут-то было! Как говорится, чем дальше в лес, тем больше дров... Став священником, я вдруг осознал, что страсти, которые, как мне казалось, я окончательно поборол в себе, неожиданно разрослись из тоненьких росточков в толстенные, необхватные стволы. И я понял, что борьба на самом деле еще только начинается, потому и исповедь нужна священнику как воздух.

Сижу, раздумываю: кого бы из отцов попросить меня исповедать? Неловко людей от дела отрывать – все так усердно молятся... Смотрю, заходит к нам в помощь старенький согбенный батюшка. Я решил, что это – кто-то из старичков, на покое доживающих свой век при монастыре. Встал он напротив меня, взял копие и тоже поминает. Только поминал он медленно. Имя прочитает, вынет частичку, подумает, потом уже положит ее на тарелочку. Нет, думаю, отец, эдак мы с тобой каши не сварим, вон какие наволочки просфор подносят! В этот момент к нам подошел еще один молодой батюшка и стал помогать. И вдруг старичок обращается к нему и просит:

– Накрой меня епитрахилью и прочитай разрешительную молитву.

– Батюшка, вы хотите, чтобы я вас исповедал?

– Нет, ты только прочитай надо мной молитву.

Пока молодой батюшка молился, я подумал: « Попрошу я этого дедушку меня исповедать. Ему, наверное, даже приятно будет, что я обращусь к нему, а не к молодым отцам». Обращаюсь к старичку слегка покровительственным тоном:

– Отец, поисповедуй меня!

Тот в ответ лишь молча кивнул. Я встал на колени и начал каяться.

– Вот такой-то грех, – говорю, – больше всего мучает. Согрешаю, батюшка, помолись обо мне...

Он помолился, посмотрел на меня сверху вниз и сказал:

– А ты, брат, больше не греши.

Отошел я от него и думаю: « Действительно, как все просто: а ты больше не греши, и всё тут!»

Вдруг из главного алтаря к старичку спешит целая делегация, состоящая из местных служащих отцов и матушек-алтарниц.

– Батюшка Илий! Батюшка Илий! Мы вас потеряли. Матушка игуменья велела нам вас найти и принять подобающим образом.

С видимым сожалением старенький священник отложил копие и последовал за ними, но прежде поднял на меня глаза и повторил:

– Ты просто не греши, вот и все.

Я смотрю вслед уходившему старичку и спрашиваю у молодого батюшки:

– Отец, кто это?

– Как?! Ты что, не узнал? Это же Илий Оптинский!!!

Возвращался я из Дивеева в приподнятом настроении. Еще бы: ехал к преподобному Серафиму, хотел душу почистить, и он свел меня с отцом Илием. Хорошее место Дивеево! Приезжаешь туда, и, кажется, вроде ничего не изменилось, хотя на самом деле все там другое – и земля, и вода, и воздух. И по-настоящему осознаешь это, лишь когда уезжаешь. Переехал через какую-то невидимую черту, и всё. Все другое...

Как велик может быть человек! Через преображение его души преображается и весь окружающий мир. Прекрасна душа – радуется и природа. Когда это понимаешь, то перестаешь задавать себе недоуменный вопрос: почему мы так загадили нашу землю?

Кстати, та страсть, в которой я тогда каялся перед отцом Илием, порой еще обуревает меня, но всякий раз на помощь приходит взгляд старца и его слова: «А ты просто не грехи». И грех отступает.

На Святках

Рождество и Крещение Господне словно специально даны нам для соприкосновения с чудесами. Здесь – и святочные гадания, и ряженые, и в прорубь мы окунаемся всей страной, порой даже в тридцатиградусные морозы.

С чего бы такая массовость? Да сказки нам хочется, чудес ждем, и чем старше человек, тем эта тяга сильнее!

Вспомните многочисленные рассказы о паломничестве на Святую Гору Афон. Начитаются о разных проделках бесовских – и в путь. Приедут, и давай всего бояться, любой шорох за духовный вызов принимают. Услышат, как мышка скребется, и дрожат, словно малые дети: «Ой, боюсь! Боюсь!» За другим, видимо, на Афон и ездить неинтересно, «экшен» нужен, адреналин. Без приключений скучно...

Так и у нас. Приходит бабушка с полуторалитровой полиэтиленовой бутылкой из-под газировки.

– За крещенской водичкой, – говорит, – пришла.

– Так ты же брала совсем недавно. Неужели уже всю выпили?

– Да нет, – интригуяще улыбается старушка. – На духовную борьбу все ушло. Дедушка-то мой, оказывается, бесноватый! Всю жизнь с ним прожила и даже не подозревала.

Дедушка ее – добрый человек и великий труженик, до последнего скотину держал. Всякий раз из поселка варено хрюшке возил, потом на курочек перешел.

Когда совсем ослабел, собачку подкармливал у себя на да-

че и в конце концов слег – возраст. Когда мы встречались с ним где-нибудь, всегда останавливались и разговаривали. А потом, к великому сожалению, у моего знакомого отказали ноги.

Приходит его бабуля в праздник домой с крещенской водой и давай квартиру кропить! «Дай-ка, – думает, – окроплю я и деда. Интересно, как он отреагирует? Вон по телевизору показывают, как бесноватые от освященной воды орут».

А дедушка в это время мирно дремал на кровати, не ожидая от своей супруги никаких терактов. За что и поплатился: бабушка, подкравшись, окатила беднягу ледяной крещенской водой.

Потом она рассказывала мне:

– И такое беснование с дедом началось! И руками замахал, и ногами, сам ругается всячески и в меня все чем-то кинуть хочет. Пришлось на него все полтора литра и вылить. Вот пришла за новой...

Представил себе эту картину и умоляю старушку.

– Мать, – говорю, – Христом Богом прошу, оставь деда в покое! Если кто из вас двоих и бесноватый, то явно не он!

Бабушку-то я отругал, а ведь ее рассказ обличил меня в одном не очень благовидном поступке или, если можно сказать, в озорстве, в результате которого я неожиданно соприкоснулся с чудом.

А дело было так. Пригласили меня в дом к тяжелобольному человеку исповедать его и причастить. Уже собрался

уходить, да чувствую, в доме их от страданий очень уж тягостно. Достал я крещенской водички и думаю: «Пройдусь немного по квартире, окроплю, нужно это напряжение хоть немножко ослабить».

Я многократно замечал, что после окропления помещения святой водой воздух в нем свежеет, словно легкий морозный ветерок по дому прошел, и на душе становится светлее. Только начал кропить, смотрю, а на диване в другом конце комнаты спит здоровенный котяра. Прежде я такого гиганта видел лишь однажды – в московском метро мальчишка на коленях держал. Вот уж, действительно, кот Бегемот... Вот на этого-то кота я взял да и ливанул водичкой. И явлено мне было чудо.

Кот поднял голову, посмотрел на меня недоуменно и русским языком спрашивает:

– Ты чего, поп, совсем с ума сошел? Тебе что, больше делать нечего?

Встал, прыгнул с дивана и направился к хозяйке:

– Мать, что в нашем доме творится? Что это за хулиган? Ладно, если бы я его трогал, а то ведь ни за что ни про что взял и водой окатил!

Хозяйка ему отвечает (я не шучу!):

– Ну ладно, ладно! Он не со зла, случайно, видать, получилось. Больше не будет.

Котище нехотя вернулся на прежнее место, внимательно посмотрел на меня своими глазами-плошками и протянул:

– Больше так не делай! – и снова задремал.

Я остолбенел. Язык мой «прильпни гортани моему». Вспоминая сейчас этот разговор кота с хозяйкой, думаю, что, наверно, он все-таки выражал свои чувства по-кошачьи, но я почему-то все понимал, а уж хозяйка – тем более.

Перечитал написанное и задаюсь вопросом: если коту достаточно было заговорить на человеческом языке, чтобы поставить на место хулиганствовавшего батюшку, то как должен был возопить бедный старик, чтобы уговорить свою старушку?

На этой неделе произошло чудо и у нас в храме, только не смешное, а грустное. Лучше бы о нем забыть, но, как говорится, осадочек-то все равно остался...

Отпевали восьмидесятилетнюю бабушку. Условились, что тело принесут к часу дня, поскольку в храме с утра шла уборка, и, чтобы никому не мешать, решили отпевать именно в это время. Старушку привезли за пятнадцать минут до назначенного срока и в храм до поры не занесли – ожидали за оградой. У меня еще оставалось время, и я решил сбежать перекусить. Выхожу из храма в притвор и чувствую запах тления. Еще в первый год своего священнического служения я по неопытности отравился такими испарениями и запах этот ощущаю очень остро и даже болезненно.

«Крыса, что ли, в подвале сдохла? – подумал я. – Нужно будет все тщательно осмотреть!»

Пока трапезничал, тело занесли в храм. Бегу назад – и

опять эта вонь, только резко усилившаяся. Зашел в храм – вроде все в порядке, никаких запахов. Приступил к отпеванию. Смотрю, мои помощницы забежали, а матушка – так та вообще за горло держится. Она ведь – бывший химик, у нее обоняние, как у парфюмера...

Через какое-то время я остался один на один с неутошными родственниками, а мои в это время прочесывали сантиметр за сантиметром притвор и даже на колокольню поднимались, пытаюсь определить источник запаха, но все оказалось тщетно. Запах стоял именно в притворе, где вообще ничего, кроме стен и каменных плит, не было.

После отпевания я отпустил всех, а сам отправился на треб. Через какое-то время староста звонит мне и сообщает, что оставила ключи в храме. С треб меня привезли лишь в половине четвертого. Нина меня ждала. Открыли двери, и запах, который, как мы надеялись, за полтора часа должен был выветриться, только усилился. «Что-то здесь не так, – дошло до меня, – это не простой запах!»

Набрав крещенской воды, мы вместе со старостой под пение тропаря Крещению Господню обильно окропили притвор. Я тогда вспомнил, что, окропляя храм на праздник Богоявления, забыл освятить эту часть церкви. Спустя несколько минут мы с помощницей вышли из храма. В притворе стоял чудесный морозец. И тогда я понял, что запах тлена, по-видимому, исходил от того, кто приходил за старушкой. Пришел из бездны и ушел, обозначив свое присутствие. Вот

так, наверно, там и пахнет. Не забывает он нас, всегда рядом, «как зверь рыкающий» – страшный и беспощадный.

И раньше случались явления в притворе, но чтобы такие, как вчера, – право, не припомню.

Такие вот чудеса...

Плоть едина

На днях прочитал о том, что в Африке несколько католических священников отделились от папского Престола. Причем отделились по причине вовсе не догматической, а по самой что ни на есть житейской. Отцы заявили: мы хотим иметь жен и жить с ними в законном браке, как и все нормальные люди. Разумеется, у этих чернокожих батюшек уже были жены, но они до сих пор этот факт не афишировали. Начальство об этом знает, но закрывает глаза: «Понимаем, мол, вас, наши африканские братья! Нелегко вам там, в такой жаре, бороться с искушениями...» Только вот верующему человеку, особенно священнику, так жить не вмоготу! Нельзя самому нарушать принятые нормы благочестия и одновременно с этим учить паству нравственности. Вот и восстали...

Нелегко нашим католическим братьям без матушек, раз уж решились они из-за этого даже пойти на раскол! Да и вообще, тяжело священнику одному, причем не только в молодые годы.

Был у меня один знакомый целибатный³ батюшка. Сейчас связь с ним, к сожалению, прервалась, а тогда я, еще до рукоположения, нередко заглядывал к нему в приход. Както раз приезжаю и неожиданно попадаю на его день рождения. Захожу в церковный дом, а там – яблоку упасть негде и вокруг – одни женщины. Суется, готовят что-то на кух-

³ *Целибат* (от лат. «caelebs» – неженатый) – обет безбрачия у духовенства.

не, с тарелками бегают... Обстановка – самая что ни на есть праздничная, все женщины – в белых блузках, а под платочками угадываются тщательно уложенные волосы. Потом вижу, как из духовки достают огромный корж и выводят на нем кремом: «38». Я служу уже десять лет, но мне, наверно, и на стол двадцатилетие такого торта не дожидаться, какой моему приятелю тогда испекли. Я видел глаза моего товарища, когда вся эта белоблузочная орда наступала на него с тортом наперевес, дружно распевая: «Happy birthday to you!»⁴ Поверьте, это были глаза мученика...

Да-да, матушка нужна священнику еще и как каменная стена, за которой он может в любой момент спрятаться от таких вот почитательниц. А ведь их бывает очень много, особенно у отцов молодых и видных собой! В храм приходит немало женщин, оставленных мужьями или любимыми. Нередко в семьях между супругами не хватает теплого человеческого общения, да и других нестроений полно, а батюшка по роду своего служения должен их выслушать, поговорить с ними и обнадежить. Он никогда не накричит на них, как постылый муж, и уж тем более не ударит. Вот и создается у женщины ложное впечатление, что священник – и есть тот самый единственный и долгожданный принц, который ее понимает. Вот он – цель и смысл горькой и нереализованной бабьей судьбы!

И женщина начинает действовать. Иногда такие действия

⁴ С днем рождения! (англ.)

принимают совсем нешуточный оборот. Порой даже присутствие законной матушки не спасает...

Однажды, еще диаконом, разоблачаюсь после службы в ризнице с моим отцом-настоятелем. Снял он с себя облачения, привел в порядок волосы перед рукомошкой, а потом достает из куртки пистолет и прячет его в карман подрясника. Я с удивлением смотрю на оружие. Батюшка перехватывает мой испуганный взгляд и говорит со вздохом:

– Не подумай чего. Газовый. Не знаю уже, что и делать. Ты не обращал внимания на высокую девушку, которая обычно стоит возле левой колонны?

– Это такая здоровенная? Похожая на метательницу молота?

– Вот-вот, она самая! Проявляет ко мне, как говорится, повышенное внимание... Подойдет на исповеди и давай: «Ты мой избранник и будешь моим. Если я что решила, то своего добьюсь! Ты на мне должен жениться...» Объясняю ей: «У меня жена есть, дети», – а она мне: «Это – не проблема! Жена – не стена. Пожила с тобой, проживет и без тебя». Стала подлавливать после службы, а на днях неожиданно напала. Я, вообще-то, мужик не самый слабый, но она меня обхватила, приподняла и впила в губы. Я трепыхаюсь, как рыба на крючке, но освободиться никак не могу. А она мечтательно: «Какой у тебя многообещающий рот...» Вот, купил пистолет, может, испугается... Дома телефон приходится отключать, перед матушкой стыдно!..

Я сразу же вспомнил историю, связанную с другим знакомым батюшкой. Он служит вторым священником в митрополии, в старинном храме. Церковь стоит почти в центре города, на улице, идущей параллельно главной. Однажды утром, готовясь к поздней литургии, он вдруг услышал звон бьющегося стекла и увидел большой камень, влетевший в алтарь. Батюшка подскакивает к разбитому окну и видит пьяного, – напротив храма располагается питейное заведение. Здоровенный детина стоит, никуда не убегает, нагло ухмыляется и показывает батюшке фигу... Но это мне можно безнаказанно кукиш продемонстрировать, но уж никак не моему товарищу! Он пришел в семинарию после окончания военного училища и, не переставая ощущать себя военным человеком, до сих пор окормляет омовцев, время от времени отправляющихся в командировки на Северный Кавказ. Привыкнув за многие годы иметь при себе оружие, он всегда носил газовый пистолет – устрашающую копию боевого «ТТ».

Без лишних слов батюшка сбрасывает с себя фелонь⁵ и со своим огромным пистолетом выбегает из церкви. Пистолет хоть и газовый, но грохочет, как настоящий. Готов побиться об заклад: эта шпана за всю свою жизнь никогда не улепетывала так шустро! Народ долго вспоминал эту картину – батюшка с пистолетом в руках молча преследует нарезавшего от него круги, истошно вопящего мужика... Но как бы то ни было, а окна в храме после того случая бить перестали, и

⁵ Фелонь (греч. «φαιλόνιο») – священническая риза.

фиги тамошним батюшкам больше никто не показывал.

Я представил себе моего кроткого отца-настоятеля, преследующего наглуго девицу с пистолетом в руке, и долго смеялся...

Трудное это дело – найти семинаристу настоящую подругу жизни и помощницу. Да и где ее искать прикажете? Не по дискотекам же и ночным клубам! Именно поэтому в нашей среде и существует традиция своеобразного сватовства. Завтрашний священник узнает, что у такого-то батюшки дочь на выданье, и отправляется свататься.

Вот и к нам как-то приехал один такой молодой человек – хотел с дочерью моей познакомиться. Пожаловал вместе с отцом – священником. Очень хорошая, потомственная священническая семья. Звоню дочке: так, мол, и так, приходи – «купцы приехали»! Та все сразу же поняла и отвечает:

– Папа, прости, я не приду. Извинись за меня, но я матушкой становиться не буду.

– Почему, дочка? Ты же ведь с нами в храме с младенчества!

– Нет, папочка, я собираюсь жить нормальной человеческой жизнью! У меня будут выходные дни и отпуска, а так, как вы с мамой – всю жизнь в деревне руины восстанавливать да пять-шесть человек детей растить, я не хочу...

Что ж, все правильно: быть настоящей матушкой – это подвиг, и не каждая девушка к нему готова.

Иногда ребяташки идут к старцам и просят благослове-

ния на брак с теми, кого он им предложит. Какие трагедии происходят порой после таких вот «благословений»! Разве же это дело монахов – благословлять детей на счастливые браки?

После многих лет пребывания в священнической среде я вдруг сделал довольно неожиданный вывод. Сколько бы мы ни встречались, какие бы темы ни обсуждали, мы никогда не говорим о женщинах, а уж тем более – о матушках. О них – или хорошо, или никак. Не существует для нас такой темы. Поверьте, если и собираются отцы на какой-нибудь праздник, а потом садятся за стол, то рядом с ними почти не бывает женщин, а уж тем более чужих. Батюшек, конечно, можно упрекать, как и остальных людей, во многих грехах, но в изменах своим матушкам – практически никогда. Если священник «загулял», то это, как правило, от отчаяния – значит, в семье его совсем плохо...

Наверно, это происходит оттого, что отцы очень дорожат своими подругами, – жениться-то нам позволено всего лишь раз! Здесь мы – как саперы. Только сапер, если ошибется, погибает на месте, а священник мучается всю оставшуюся жизнь. Да и познают женщину будущие священники лишь после брака, поэтому жены для нас всегда остаются единственными. После смерти подруги батюшка обречен на одиночество.

Помню, к нам на праздник из соседнего благочиния приехал пожилой протоиерей. Внешне батюшка очень походил

на Евгения Леонова, а поскольку родом он был из глухой рязанской деревни, то и речь его была невероятно колоритной. После службы за праздничным столом отец Геннадий выпил рюмочку и сразу же стал быстро и много говорить: и всё про женщин, и всё плохо... И такие уж они, и сякие, эти Евины отродья!..

Мне потом сосед по столу шепнул, что от батюшки, совсем еще молодого, только назначенного в сельский приход, ушла горячо любимая им жена. Ушла к соседу, жившему в той же деревне. Ходила рядом, а над бывшим мужем потешалась. Время от времени возвращалась обратно, а потом вновь уходила. Постепенно женщина деградировала, начала пить горькую и при встрече с благоверным могла крикнуть: «Ну что, блаженный? Ты хочешь сказать, что ты – нормальный мужик? Да настоящий мужик меня такую давным-давно удавил бы, а ты все принимаешь и принимаешь!» А он сам – детдомовский, всю жизнь мечтал о семье, о детях. И что-то в душе его в конце концов повернулось, и он возненавидел весь женский род. Жил один, никому не разрешал себе готовить и даже постельное белье сам стирал.

Я разговаривал с ним всего несколько раз, а он, видя во мне благодарного слушателя, все рассказывал и рассказывал байки из священнической жизни:

– Вот был у нас, значит, один батюшка, это еще в советские годы. Хороший батюшка, основательный... Служил в одном селе, много лет отслужил и решил он, значит, в

конец концов застрелиться...

У меня от историй отца Геннадия все в голове путалось. Ну скажите, как можно быть основательным батюшкой и в конце концов решить покончить с собой? В другой раз он мог начать рассказывать уже о другом священнике, который пришел к выводу, что ему необходимо утопиться. Правда, все попытки суицида оставались нереализованными и, слава Богу, заканчивались без смертоубийства.

Через некоторое время я стал обращать внимание на то, что, кроме меня, батюшку никто больше не слушает. Поговорил с одним отцом из благочиния, где служил отец протоиерей.

– От рассказов отца Геннадия у меня складывается впечатление, что в епархии, в которой он служил при коммунистах, значительная часть отцов страдала каким-то маниакально-депрессивным психозом и все норовила свести счеты с жизнью...

Мой собеседник лишь грустно улыбнулся:

– Все, о чем он рассказывает, – лишь его собственные мысли и переживания. Это он сам, впадая в отчаяние, думал с собой покончить. Его постоянно мучил вопрос: почему Господь с ним так поступил, почему попустил совершиться предательству? Он часто стоял на грани того, чтобы уйти из священства и вновь жениться, но такой поступок сам же считал изменой Богу, а кроме Христа, у него никого больше не осталось. Мы к его рассказам привыкли и не обращаем на

них внимания, а ты – человек свежий, вот он тебе и изливает свою душу. А вообще-то так, как отец Геннадий, у нас никто больше молиться не умеет. Он ведь не просит, он вопиет к Богу!

В том же самом благочинии, к которому был приписан отец Геннадий, служил и еще один маститый протоиерей. Посмотреть на него – настоящий былинный богатырь: косая сажень в плечах и пудовые кулаки. Матушка перед ним – ну просто девчужка, но, как мы заметили, слушался он ее беспрекословно. Словно она – генерал, а он выше старлея так и не дослужился.

Видимо понимая, что столь очевидное главенство женщины в священнической семье нас искушает, однажды он сам приоткрыл завесу над удивительной историей их жизни:

«Я ведь священником стал еще в семидесятых годах. Вспоминаю, как невесту тогда искал. Таковую, чтобы один раз и на всю жизнь! Познакомили меня с будущей невестой. Стройная и хрупкая, словно березка... Вот, думаю, такая маленькая и будет жить со мной тихо и мирно, не станет мне указывать и поучать. А вышло-то все как раз наоборот! Как стал я священником, как принял приход, так и начала моя благоверная со мной спорить. Всё ей, видишь ли, не так: что ни скажи, что ни сделай, ну никак ей не ужогу! Я уж с ней и по-хорошему говорил, и голос на нее повышал, а она ни в какую! Не уступает, и все тут! И вот однажды не выдержал я: вздумал попугать ее кулаком, а не рассчитал, она как

раз на него и напоролась... Упала моя матушка на пол, лежит и не дышит... Я за голову схватился. Еще бы, матушку свою убил! Ведь она хоть и вредничала, но меня-то все равно любила, да и я в ней, честно сказать, души не чаял! И вот такое... Да и священник, даже случайно убивший человека, служить у престола не имеет права.

Закричал я тогда страшно, упал перед ней на колени, прижался к губам, а дыхания нет, – бесчувственное тело. Поднял я ее, а у нее руки свисают, точно плети. Положил на кровать, зачем-то пледом накрыл и помчался к правящему архиерею. Доложили ему, он меня встречает:

– Что стряслось, батюшка? Почему такая срочность? Ты что, до утра подождать не мог?

– Владыко, я матушку убил! Не хотел, а убил, – под руку она мне попала, а я силу не рассчитал...

Снимаю с себя крест и кладу его перед архиереем на стол:

– Не имею я больше права оставаться священником! Владыка мне отвечает:

– Ты, брат, не дури! Немедленно забирай крест обратно! Только я могу решать, быть тебе у престола или нет. Лучше давай-ка о матушке твоей помолимся...

А я развернулся и, ничего не говоря, в отчаянии выбежал на улицу. Трясусь в автобусе и думаю: «Подвел я всех, всю Церковь подвел! Теперь будут в советских газетах писать, что церковник-мракобес жену до смерти забил!..»

Домой иду, а ноги не слушаются. В один день я потерял

все: и любимую, и право быть священником. Думаю, сейчас помолюсь и отправлюсь в милицию сдаваться. Подхожу к двери, а она вдруг сама открывается, и моя ненаглядная кидается мне на шею.

– Ты где пропадал?! Ужин давно остыл, а ты все не идешь и не идешь! Не знала, что и думать!

Стою как вкопанный и понять не могу: неужели я сплю?

Ущипнул себя, а жена не пропадает и даже улыбается мне.

– Ты как себя чувствуешь? – спрашиваю.

– Да вроде ничего, только голова немного побаливает...

Утром – снова в область, к владыке, а он меня уже ждет.

Захожу – у него на рабочем столе лежит мой крест. Падаю на колени и ползу:

– Прости, владыко! Матушка моя воскресла и даже не помнит о том, что я ее убил!

Он берет со стола мой крест, подходит ко мне, а потом размахнулся и ка-а-ак перетянет меня по спине цепью! Помолчал немного и спрашивает:

– Больно?

– Больно, – шепчу.

– Это хорошо. На всю жизнь запомни эту боль и еще запомни: никогда и ни при каких обстоятельствах не снимай с себя крест!

Потом улыбнулся:

– А теперь возвращайся домой, к матушке, и терпи. Всю жизнь ее терпи, это – твой второй крест».

Вот как жизнь порой поворачивается...

Года через два после нашего знакомства с отцом Геннадием мне сообщили о том, что он скончался. Мы собрались на отпевание в храме, который он сам и построил. Оказалось, что батюшка в последний год своей земной жизни узнал от врача, что тяжело болен и что ему необходима срочная операция, в противном случае он умрет.

– Операция? – спрашивает. – Какая еще операция?! Да для меня эта болезнь – награда! Господь меня пожалел и к Себе призывает. А ты хочешь, чтобы я и дальше страдал?

В последнее время он почти не выходил из храма и служил каждый день. Ездил на исповедь к отцу Иоанну Крестьянкину. Умер тихо и мирно, боли его не мучили. Утром совершил литургию и причастился. Пришел домой, почувствовал себя плохо, лег на кровать и уснул.

На поминках хлопотали сердобольные старушки. Кормили отцов деревенскими пирогами и жалели новопреставленного отца Геннадия:

– Отмучился, сердешный! Он хоть и не любил наш бабий род, но человек был добрый. Только мы никак понять не могли, отчего он нас так все чудно попрекал? Как выпьет за праздничным столом рюмочку, так и заводит: «Вы, – говорит, – потомки Евы-искусительницы и предательницы. Повадно вам Адама мучить, а то, что Адам страдает, вам, конечно же, все равно!» Махнет рукой: «Э-э-эх!» – и заплачет. Он хоть и с чудинкой был, и женщин у себя в доме на дух

не терпел, но как узнает, что в какой-то семье кормилец помер, так придет и денег принесет, да и потом не забывает, особенно если в семье малые дети. Очень уж он детей любил, а своих у него не было...

Сегодня все сделалось чрезвычайно легко и просто: захотели – сошлись, не понравилось – разбежались. Может, и остаются священнические семьи последними островками верности в напоминание миру о том, что любовь и преданность – это не выдумка, и если люди одумаются и снова захотят любить, то им будет у кого поучиться...

Преодоление

Проверки на дорогах

Незадолго до Нового года моему хорошему товарищу пришла печальная весть. В одном из маленьких городков соседней области был убит его друг. Как узнал, так сразу же и помчался туда. Оказалось, ничего личного. Большой, сильный человек лет пятидесяти, возвращаясь поздно вечером домой, увидел, как четверо молодых парней пытались насилловать девчонку. Он был воин, настоящий воин, прошедший многие горячие точки.

Заступился не задумываясь, с ходу бросился в бой. Отбил девушку, но кто-то изловчился и ударил его ножом в спину. Удар оказался смертельным. Девушка решила, что теперь убьют и ее, но не стали. Сказали:

– Живи пока. Хватит и одного за ночь, – и ушли.

Когда мой товарищ вернулся, я, как мог, попытался выразить ему свое соболезнование, но он ответил:

– Ты меня не утешай. Такая смерть для моего друга – это награда. О лучшей кончине для него трудно было бы и мечтать. Я его хорошо знал, мы вместе воевали. На его руках много крови, может и не всегда оправданной. После войны он жил не очень хорошо. Сам понимаешь, какое было время. Долго мне пришлось убеждать его креститься, и он, слава Богу, не так давно принял крещение. Господь забрал его самой славной для воина смертью: на поле боя, защищая слабого. Прекрасная христианская кончина.

Слушал я моего товарища и вспоминал случай, который

произошел со мной.

Тогда шла война в Афгане. В действующей армии, в связи с потерями, потребовалось произвести срочные замены. Кадровых офицеров из частей перебросили туда, а на их места призвали сроком на два года запасников. Незадолго до того я вернулся из армии и оказался среди этих «счастливицков». Таким образом, мне пришлось отдать свой долг Родине дважды.

Но поскольку воинская часть, в которой я служил, находилась не очень далеко от моего дома, то все для нас сложилось благополучно. На выходные дни я часто приезжал домой. Моей дочурке было немногим больше года, жена не работала, а денежное содержание офицеров было тогда хорошее.

Домой мне приходилось ездить электричками. Иногда в военной форме, иногда в гражданке. Однажды, это было осенью, я возвращался в часть. Приехал на станцию минут за тридцать до прихода электропоезда. Смеркалось, было прохладно. Большинство пассажиров сидело в помещении вокзала. Кто-то дремал, кто тихо разговаривал. Было много мужчин и молодых людей.

Вдруг, совершенно внезапно, дверь вокзала резко распахнулась и к нам забежала молоденькая девушка. Она прижалась спиной к стене возле кассы и, протянув к нам руки, закричала:

– Помогите, они хотят нас убить!

Тут же за ней вбегают как минимум четверо молодых людей и с криками: «Не уйдешь! Конiec тебе!» – зажимают эту девчушку в угол и начинают душиить. Потом еще один парень буквально за шиворот заволакивает в зал ожидания еще одну такую же, и та орет душераздирающим голосом: «Помогите!» Представьте себе эту картину.

Тогда еще обычно на вокзале дежурил милиционер, но в тот день его, как нарочно, не оказалось. Народ сидел и, застыв, смотрел на весь этот ужас.

Среди всех, кто был в зале ожидания, только я единственный был в военной форме старшего лейтенанта авиации. Если бы я был тогда в гражданке, то вряд ли встал, но я был в форме.

Встаю и слышу, как рядом сидящая бабушка выдохнула: – Сынок! Не ходи, убьют!

Но я уже встал и сесть назад не мог. До сих пор задаю себе вопрос: как это я решился? Почему? Случись бы это сегодня, то, наверное, не встал бы. Но это я сегодня такой премудрый пескарь, а тогда? Ведь у самого был маленький ребенок. Кто бы его потом кормил? Да и что я мог сделать? Еще с одним хулиганом можно было бы подраться, но против пяти мне и минуты не простоять, они просто размазали бы меня.

Подошел к ним и встал между ребятами и девушками. Помню, встал и стою, а что еще я мог? И еще помню, что больше никто из мужчин меня не поддержал.

К моему счастью, ребятки остановились и замолчали. Они

ничего мне не сказали, и ни разу никто меня не ударил, только смотрели с каким-то то ли уважением, то ли удивлением.

Потом они, как по команде, повернулись ко мне спиной и вышли из здания вокзала. Народ безмолвствовал. Незаметно испарились девчухи. Наступила тишина, и я оказался в центре всеобщего внимания. Познав минуту славы, смутился и тоже постарался побыстренько уйти.

Хожу по перрону и – представьте мое удивление – вижу всю эту компанию молодых людей, но уже не дерущихся, а идущих в обнимку!

До меня дошло – они нас разыграли! Может, им делать было нечего, и, ожидая электричку, они так развлекались или, может, поспорили, что никто не заступится. Не знаю.

Потом ехал в часть и думал: «Но я ведь не знал, что ребята над нами пошутили, я же по-настоящему встал». Тогда я еще далек был от веры, от Церкви. Даже еще крещен не был. Но понял, что меня испытали. Кто-то в меня тогда всматривался. Словно спрашивал: а как ты поведешь себя в таких обстоятельствах? Смоделировали ситуацию, при этом совершенно оградив меня от всякого риска, и смотрели.

В нас постоянно всматриваются. Когда я задаюсь вопросом, а почему я стал священником, то не могу найти ответа. Мое мнение, кандидат в священство все-таки должен быть человеком очень высокого нравственного состояния. Он должен соответствовать всем условиям и канонам, исторически предъявляемым Церковью к будущему священнику.

Но если учесть, что я только в тридцать крестился, а до этого времени жил как все, то хочешь не хочешь пришел к выводу, что Ему просто не из кого выбирать.

Он смотрит на нас, как хозяйка, перебирающая сильно пораженную крупу в надежде что-нибудь все-таки сварить, или как плотник, которому нужно прибить еще несколько дощечек, а гвозди закончились. Тогда он берет погнутые, ржавые, правит их и пробует: пойдут они в дело? Вот и я, наверное, такой ржавый гвоздик, да и многие мои собратья, кто пришел в Церковь на волне начала девяностых. Мы – поколение церковных строителей. Наша задача – восстановить храмы, открыть семинарии, научить то новое поколение верующих мальчиков и девочек, которые придут нам на смену. Мы не можем быть святыми, наш потолок – искренность в отношениях с Богом, наш прихожанин – чаще всего человек страдающий. И чаще всего мы не можем помочь ему своими молитвами, силенок маловато, самое большое, что мы можем, – это только разделить с ним его боль.

Мы полагаем начало нового состояния Церкви, вышедшей из гонений и привыкающей жить в период творческого созидания. Те, для кого мы работаем, должны прийти на подготавливаемую нами почву и прорасти на ней святостью. Поэтому, причащая младенцев, я с таким интересом всматриваюсь в их лица. Что ты выберешь, малыш, крест или хлеб?

Выбери крест, дружок! И мы вложим в тебя веру, а потом твою детскую веру и чистое сердечко помножим на нашу ис-

кренность, и тогда, наверное, наше служение в Церкви будет оправданно.

Всепобеждающая сила любви

Помню – я был еще мальчиком, лет десяти, – рядом с нами на одной лестничной площадке жила семья. Все семьи были военные, и поэтому соседи менялись достаточно часто. У тех соседей в квартире жила бабушка. Сейчас понимаю, что ей было немногим больше шестидесяти, а тогда думал, что ей все сто. Бабушка была тихой и неразговорчивой, не любила старушечьи посиделки и предпочитала одиночество. И была у нее одна странность. Перед подъездом стояли две отличные лавочки, но бабушка выносила маленькую табуреточку и садилась на нее лицом к подъезду, словно высматривала кого-то, боясь пропустить.

Дети – народ любопытный, и меня такое поведение старушки заинтриговало. Однажды я не выдержал и спросил ее:

– Бабушка, а почему ты сидишь лицом к двери, ты кого-то ждешь?

И она мне ответила:

– Нет, мальчик. Если бы я была в силах, то просто уходила бы в другое место. А так мне приходится оставаться здесь. Но у меня нет сил смотреть на эти трубы.

В нашем дворе стояла котельная с двумя высоченными кирпичными трубами. Конечно, лезть на них было страшно-вато, и даже из старших ребят никто не рисковал. Но при чем тут бабушка и эти трубы? Тогда я не рискнул ее спрашивать, а через какое-то время, выйдя гулять, снова увидел сидящую в одиночестве мою соседку. Она словно ждала меня. Я по-

нял, что бабушка хочет что-то мне рассказать, сел рядом с ней, и она, погладив меня по головке, сказала:

– Я не всегда была старой и немощной, я жила в белорусской деревне, у меня была семья, очень хороший муж. Но пришли немцы, муж, как и другие мужчины, ушел в партизаны, он был их командиром. Мы, женщины, поддерживали своих мужчин, чем могли. Об этом стало известно немцам. Они приехали в деревню рано утром. Выгнали всех из домов и, как скотину, погнали на станцию в соседний городок. Там нас уже ждали вагоны. Людей набивали в теплушки так, что мы могли только стоять. Ехали с остановками двое суток, ни воды, ни пищи нам не давали. Когда нас наконец выгрузили из вагонов, то некоторые были уже не в состоянии двигаться. Тогда охрана стала сбрасывать их на землю и добивать прикладами карабинов. А потом нам показали направление к воротам и сказали: «Бегите». Как только мы пробежали половину расстояния, спустили собак. До ворот добежали самые сильные. Тогда собак отогнали, всех, кто остался, построили в колонну и повели сквозь ворота, на которых по-немецки было написано: «Каждому – свое». С тех пор, мальчик, я не могу смотреть на высокие печные трубы.

Она оголила руку и показала мне наколку из ряда цифр на внутренней стороне руки, ближе к локтю. Я знал, что это татуировка, у моего папы был на груди наколот танк, потому что он танкист, но зачем колоть цифры?

– Это мой номер в Освенциме.

Помню, что еще она рассказывала о том, как их освобождали наши танкисты и как ей повезло дожить до этого дня. Про сам лагерь и о том, что в нем происходило, она не рассказывала мне ничего, наверное, жалела мою детскую голову. Об Освенциме я узнал уже позднее. Узнал и понял, почему моя соседка не могла смотреть на трубы нашей котельной.

Мой отец во время войны тоже оказался на оккупированной территории. Досталось им от немцев, ох как досталось. А когда наши погнали немчуру, то те, понимая, что подросшие мальчишки – завтрашние солдаты, решили их расстрелять. Собрали всех и повели в лог, а тут наш самолетик – увидел скопление людей и дал рядом очередь. Немцы на землю, а мальчишки – врассыпную. Моему папе повезло, он убежал, с простреленной рукой, но убежал. Не всем тогда повезло.

В Германию мой отец входил танкистом. Их танковая бригада отличилась под Берлином на Зееловских высотах. Я видел фотографии этих ребят. Молодежь, а вся грудь в орденах, несколько человек – Герои. Многие, как и мой папа, были призваны в действующую армию с оккупированных земель, и многим было за что мстить немцам. Поэтому, может, и воевали так отчаянно храбро. Шли по Европе, освобождали узников концлагерей и били врага, добывая беспощадно. «Мы рвались в самую Германию, мы мечтали, как размажем ее траками гусениц наших танков. У нас была особая часть, даже форма одежды была черная. Мы еще смеялись, как бы

нас с эсэсовцами не спутали».

Сразу по окончании войны бригада моего отца была размещена в одном из маленьких немецких городков. Вернее, в руинах, что от него остались. Сами кое-как расположились в подвалах зданий, а вот помещения для столовой не было. И командир бригады, молодой полковник, распорядился сбивать столы из щитов и ставить временную столовую прямо на площади городка.

«И вот наш первый мирный обед. Полевые кухни, повара, все как обычно, но солдаты сидят не на земле или на танке, а, как положено, за столами. Только начали обедать, и вдруг из всех этих руин, подвалов, щелей как тараканы начали выползать немецкие дети. Кто-то стоит, а кто-то уже и стоять от голода не может. Стоят и смотрят на нас, как собаки. И не знаю, как это получилось, но я своей простреленной рукой взял хлеб и сунул в карман, смотрю тихонько, а все наши ребята, не поднимая глаз друга на друга, делают то же самое».

А потом они кормили немецких детей, отдавали все, что только можно было каким-то образом утаить от обеда, сами еще вчерашние дети, которых совсем недавно, не дрогнув, насиловали, сжигали, расстреливали отцы этих немецких детей на захваченной ими нашей земле.

Командир бригады, Герой Советского Союза, по национальности еврей, родителей которого, как и всех других евреев маленького белорусского городка, каратели живыми закопали в землю, имел полное право, как моральное, так и

военное, залпами отогнать немецких «выродков» от своих танкистов. Они объедали его солдат, понижали их боеспособность, многие из этих детей были еще и больны и могли распространить заразу среди личного состава.

Но полковник, вместо того чтобы стрелять, приказал увеличить норму расхода продуктов. И немецких детей по приказу еврея кормили вместе с его солдатами.

Думаешь, что это за явление такое – Русский Солдат? Откуда такое милосердие? Почему не мстили? Кажется, это выше любых сил – узнать, что всю твою родню живьем закопали, возможно, отцы этих же детей, видеть концлагеря с множеством тел замученных людей. И вместо того, чтобы «оторваться» на детях и женах врага, они, напротив, спасали их, кормили, лечили.

С описываемых событий прошло несколько лет, и мой папа, окончив военное училище в пятидесятые годы, вновь проходил военную службу в Германии, но уже офицером. Как-то на улице одного города его окликнул молодой немец. Он подбежал к моему отцу, схватил его за руку и спросил:

– Вы не узнаете меня? Да, конечно, сейчас во мне трудно узнать того голодного оборванного мальчишку. Но я вас запомнил, как вы тогда кормили нас среди руин. Поверьте, мы никогда этого не забудем.

Вот так мы приобретали друзей на Западе, силой оружия и всепобеждающей силой христианской любви.

Я не участвовал в войне...

В День Победы мой отец, сколько я себя помню, обычно садился в одиночестве за стол. Мама, ни о чем заранее с ним не сговариваясь, доставала бутылку водки, собирала самую простую закуску и оставляла отца одного. Кажется, в такой праздник ветераны стараются собираться вместе, а он никогда никуда не ходил. Сидел за столом и молчал. Это не значит, что никто из нас не мог подсесть к нему, просто он словно уходил куда-то в себя и никого не замечал. Мог так весь день просидеть у телевизора и смотреть военные фильмы, одни и те же. И так из года в год. Мне было скучно сидеть и молчать, а отец ничего не рассказывал о войне.

Однажды, наверное классе в седьмом, я спросил его в этот день:

– Пап, а почему ты с войны пришел только с одной медалью, ты что, плохо воевал? Где твои награды?

Отец, к тому времени успев выпить пару рюмок, улыбнулся мне и ответил:

– Что ты, сынок, я получил самую большую награду, о какой только может мечтать солдат на войне. Я вернулся. И у меня есть ты, мой сын, у меня есть моя семья, мой дом. Разве этого мало? – Потом, словно преодолевая себя, спросил: – А ты знаешь, что такое война?

И он стал мне рассказывать. Единственный раз за всю мою жизнь я слушал его историю войны. И больше он никогда не возвращался к этому разговору, словно его вовсе и не было.

– Немец пришел к нам, когда мне было почти столько же, сколько тебе сейчас. Наши войска отступали, и в августе сорок первого мы уже оказались на оккупированной территории. Мой старший брат, твой дядя Алексей, был тогда в армии, он воевал еще с белофинской. А мы всей семьей остались под немцами. Кто у нас в селе только не перебивал: и румыны, и мадьяры, и немцы. Самыми жестокими были немцы. Все, что приглянется, забирали без спроса и убивали за любое непослушание. Румыны, помню, постоянно что-то меняли, ну чисто наши цыгане, мадьяры нас трогали мало, но и убивали, никого не спрашивая. В самом начале оккупации назначили двух сельских ребят, что постарше, полицейскими. Они только и делали, что с винтовками ходили, а так никого не трогали. Объявления развешат, вот и все. Никто про них ничего плохого не сказал.

Трудно было. Чтобы выжить, постоянно работали и все равно голодали. Не помню такого дня, чтобы дедушка твой расслабился, улыбнулся, зато помню, что бабушка все время молилась о войне Алексии. И так все три года. К началу сорок четвертого немец стал гонять нас, молодых ребят, на рытье окопов, укрепления для них строили. Мы знали, что наши подходят, и уже думали, как будем встречать их.

Немцы понимали, что мы – завтрашние солдаты. После освобождения вольемся в армию и будем воевать против них. Поэтому перед самым приходом наших они внезапно окружили село и стали выгонять молодых парубков из домов

и собирать всех на центральной площади. А потом погнали за село к оврагу. Мы стали догадываться, что нас ждет, да куда деваться, конвой вокруг. И вдруг, на наше счастье, самолет. Летчик увидел непонятную колонну и зашел в боевой разворот. Зашел и дал, видать на всякий случай, очередь рядом с нами. Немцы залегли. А мы воспользовались моментом – и врассыпную. Конвойные побоялись встать во весь рост и стреляли по нам из автоматов с колен. Мне повезло, я скатился в лог и, только когда уже был в безопасности, обнаружил, что у меня прострелена рука. Пуля прошла удачно, не задев кости, и вышла чуть выше того места, где обычно носят часы.

Потом нас освободили. Боя за село не было, немцы отошли ночью, а утром нас разбудил грохот советских танков. Этим же днем всех собрали на площади, а на ней уже виселица стоит. Когда успели, вроде только пришли? На глазах у всего народа повесили обоих мальчишек-полицейских. Тогда не разбирались: раз у немцев служил, значит, виноват и судить тебя будут по закону военного времени. Это уже после войны бывших полицаев судили, а тогда не до того было. Как только тела несчастных повисли, так нам и объявили, что все мы, кто находился под оккупацией, теперь враги и трусы, а потому должны смыть свою вину кровью.

В этот же день началась работа военно-полевого комиссариата. Из нашего села и из окрестностей много собрали таких, как я. Мне тогда было семнадцать с половиной, а были

и те, кому еще и семнадцать не стукнуло. Никогда не думал, что начнем воевать именно так. Представлял, что нас переденут в военную форму, присягу примем, автоматы дадут. А никто и не думал этого делать. На дворе сорок четвертый год, это же не сорок первый, оружия было вдоволь, а нам – по одной винтовке на троих. Кто в лаптях, кто в опорках, а кто и босиком, так и пошли на передовую.

И вот таких необученных мальчишек погнали искупать вину тех, кто бросил нас в сорок первом на милость победителя. Нас швыряли в атаки перед регулярными войсками. Это очень страшно – бежать в атаку, да еще без оружия. Бежишь и кричишь от страха, больше ты ничего и не можешь. Куда бежишь? Зачем бежишь? Впереди пулеметы, сзади пулеметы. От этой жути люди с ума сходили. – Отец невесело усмехнулся. – После первой атаки я не мог рот закрыть, вся слизистая не просто высохла, а покрылась коростой. Потом меня уже научили, что, прежде чем бежать, нужно на мокрый палец соли набрать и зубы намазать.

Мы месяц шли перед войсками, в наш отряд добавлялись все новые и новые «предатели». У меня уже был трофейный автомат, и я научился спасаться от пуль. Когда пришел приказ 1926-й год снять с фронта, оказалось, что из нашего села снимать-то уже и некого. Вон сейчас на черном обелиске в центре села все мои дружки записаны. Зачем это сделали, неужели так было нужно? Сколько народу за просто так положили. Почему нас никто не пожалел, ведь мы были почти

еще дети?

И знаешь, что было самое изматывающее? На самом деле даже не эти атаки, нет, а то, что за мной весь этот месяц отец на подводе ехал. И после каждого боя штрафников он приходил, чтобы забрать тело сына и похоронить по-людски. Отца не пускали к нам, но я иногда видел его издалека. Я очень жалел его, и мне хотелось, чтобы меня поскорее убили, ведь все равно убьют, что же старику мучиться. А мама все это время молилась, не вставала с колен, и я это чувствовал.

Потом я попал в учебку, стал танкистом и продолжил воевать. Твой дядя Леша в двадцать шесть уже был подполковником и командиром полка, а Днепр форсировал рядовым штрафбата. Удивляешься? Война, брат, а у войны своя справедливость. Всем хотелось выжить, и часто за счет других.

Батя тогда курил. Он затаится, помолчит, словно смотрит куда-то, в глубину лет, а потом продолжает:

– После Днепра ему вернули ордена, восстановили в партии, а звание оставили «рядовой». И ведь он не озлобился.

Мы с твоим дядей дважды на фронте пересекались. И только мельком. Один раз из проезжающего мимо грузовика, слышу, кричит кто-то: «Хлопцы! А у вас такого-то нету?» – «Да как же нету?! Вот я!» Стоим в проезжающих навстречу друг другу машинах и машем руками, а останавливаться нельзя: колонны идут. А другой раз на станции, наш состав уже двигаться начал, а я его вдруг увидел. «Алеша, – кри-

чу, – братик!» Он к вагону, мы руки друг к другу тянем, чтобы прикоснуться, а не можем. Долго он мне вслед бежал, все догнать хотел.

В самом начале сорок пятого еще двое бабушкиных внуков ушли на фронт, твои двоюродные братья. Женщины на Украине рано рожают, а я в семье был самым последним, ну и, понятное дело, самым любимым. У старшей сестры сыновья подрасти успели, вот на фронт и попали. Бедная моя мама, как она вымаливала Алешу, потом меня, а потом еще и внуков. Днем – в поле, ночью – на коленях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.